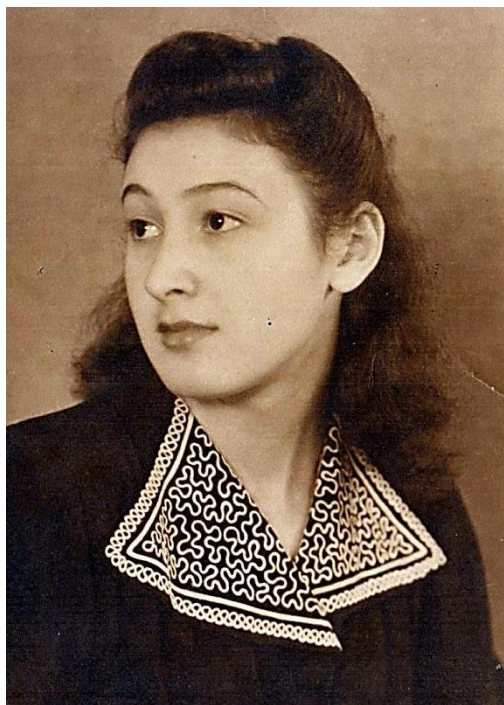

Берта Файнштейн

Девочка из гетто

Издательство «Компас»
Израиль
2016

Берта Файнштейн

Ирине Родштейн-Шульман посвящается

*Перед тем, как съесть кусок хлеба, его надо
посыпать солью.*

*А что такое жизнь человека, если не кусок
хлеба, отрезанный **ВСЕВЫШНИМ** каждому из
нас?..*

А что такое мудрость?

Мудрость – это боль души.

*А душа болит потому, что в ней оседает соль,
на которой замешан хлеб нашей жизни...*

Леонид Коваль
(«Стон», Рига, «Лиесма», 1990 г.)

*Я родом не из детства — из Шоа,
Я выжила — подстреленная птица;
Израненная детская душа
До старости не в силах исцелиться.
Натянутые нервы, как струна,
Сирена бьёт по ним истошным воем...
И вновь, и вновь со мной моя семья,
Расстрелянная вражеским конвоем.
Но сердце согревает взгляд любви
Со старого, измятого портрета...
«Запомни все! Запомни... и живи!» —
Кричали камни на руинах гетто.
Лина Городецкая*

*Рассказать обо всём, что знаем и помним.
Ведь это нужно тем, кто идёт за нами.
Сарра Шнеер*

Вместо предисловия

Уважаемый читатель!

Перед тобой не просто художественное произведение и даже не только трогательные воспоминания одного из многих тысяч малолетних узников гетто, а ещё одно убедительное свидетельство истинной сути фашизма, масштабов Катастрофы европейского еврейства, это страстный призыв помнить трагическую и в то же время героическую страницу истории нашего народа.

Словно жемчужина в сокровищнице мировой литературы эта книга с огромной достоверностью освещает описываемые в ней события. При этом читатель не только осознаёт, но как-бы и видит со всеми подробностями каждый из описанных в ней эпизодов, сопереживает и страдает вместе с автором и действующими лицами. А это – большая творческая удача писателя.

В своём отзыве на одну из книг этой тематики (Гарри Фельдман, «Забвению не подлежит») заведующая русским фондом мемориального комплекса «Яд ва-Шем» Анна Шиндер написала автору: *«Среди множества книг и воспоминаний, получаемых библиотекой, ваша книга «зацепила» меня своей искренностью и непридуманной правдой жизни. Я думаю, что молодые люди, не чувствующие ужаса от цифры «шесть миллионов», может быть, только читая такие книги, как ваша, смогут приблизиться к пониманию всего кошмара фашизма, войны и Катастрофы... Потрясают факты, волнуют людские судьбы. Равнодушным, читая сборник*

«Забвению не подлежит», остаться невозможно. Но ведь для этого и создана книга».

Такой же оценки вполне заслуживает и книга Берты Файнштейн «Девочка из гетто», повествующая, в частности, об ужаснейших злодеяниях фашистских головорезов на Украине, в Белоруссии и Молдавии.

Впечатляет в произведении и сюжетная линия, освещающая героизм трёх еврейских подростково-пионервожатых, сумевших ценой невероятных многодневных усилий вывести из приграничного пионерского лагеря в расположение наших войск сотню его воспитанников, брошенных на произвол судьбы (фактически на гибель) его работниками накануне оккупации (повесть «Крапивка»).

Не менее интересен и поучителен очерк «Золотой души человек» о благородстве и щедрости еврейской женщины Эти Мейлихзон, пережившей расстрел тридцати семи друзей-соратников по молодёжной организации «Ха-Шомер ха-цаир», четыре года нечеловеческих мук и страданий в румынском гетто, потерю всех родных и семь раз лишь чудом избежавшей смерти.

Не сомневаюсь, что большинство прочитавших это замечательное произведение согласится со мной, что оно должно быть переиздано массовым тиражом, переведено на иврит и стать достоянием не только нынешнего, но и грядущих поколений, так как оно имеет неоценимое воспитательное значение, содействует укреплению патриотизма и, в конечном итоге, повышению обороноспособности нашей страны.

По своему высокому идейному содержанию и мастерству художественного изложения работа Берты

Файнштейн вполне заслуживает быть отмеченной в конкурсе на историко-литературное произведение о Второй мировой войне.

Гарри Фельдман,
Член Союза писателей Израиля,
дважды Лауреат конкурса на историко-
литературное произведение о воинском подвиге,
Почётный член Союза ветеранов
Второй мировой войны

Судьба повести «Крапивка»

Материалы к повести я собирала несколько лет. В Минске об этой истории не слышала и не читала нигде.

До того, как моя семья переехала в 1961 году в Минск, мы жили в Быхове.

В этом маленьком городке во время оккупации было гетто, в котором фашисты уничтожили всё еврейское население. Чудом уцелевшие местные евреи рассказывали ужасающие подробности об этой трагедии, но тогда я не догадалась записать их рассказы.

В 1961 году, когда мы уже жили в Минске и муж работал в НИИ пищевой промышленности, он познакомил меня со своей сотрудницей Ириной Рабинович. Мы с ней подружились, и от неё я услышала рассказ о её семье, жизни и удивительном чуде военных лет, как три мальчика-школьника 15-16 лет спасли от фашистов 120 минских детей и, в том числе, её – 10-летнюю девочку-сироту из Минска.

Я сама пережила немало за четыре военных года, бывшая узница гетто, многое повидавшая и пережившая, знавшая о бесконечном числе трагедий моего многострадального народа, была потрясена историей спасения детей из пионерлагеря «Крапивка».

Эта страница героизма еврейского народа меня потрясла. Днями и ночами я думала об услышанном, рассказывала друзьям, знакомым, ученикам...

Я решила об этой истории рассказать в печати, «ведь это нужно тем, кто идёт за нами!!!» И началась многолетняя серьёзная работа по сбору материала, знакомство с участниками этого необычного события. Несмотря на большую занятость в школе и дома, я была

лектором Минского общества «Знание» и в любой теме находила возможность упоминать о героизме трёх юношей, спасших детей.

А самыми благодарными слушателями были мои ученики. Тогда я приняла решение описать эту историю.

В Израиль я привезла уже законченную повесть и назвала её просто – «Крапивка», а детей из лагеря – «крапивками». Так в нашем лексиконе появилось новое слово.

В русскоязычных журналах и газетах, куда я её посылала, она так никого и не заинтересовала. И я отложила её до лучших времён

Но уже собранные мной материалы использовали в Минске многие журналисты, а один экземпляр я послала Ирине Родштейн-Шульман.

В Израиле в музее Катастрофы «Бейт Лохамей ха-геттаот» бывали очень интересные литературные семинары для участников, пишущих на русском языке. Туда желательно было привозить свои работы. На один из этих семинаров попала и я. Перед нами выступали израильские русскоязычные писатели, историки, журналисты. Тема семинара была «Героизм еврейского народа в годы Второй мировой войны». Давали слово и нам, новым репатриантам. Выступила и я с фрагментами своей «Крапивки». Аудиторию моё выступление заинтересовало. А в перерыве ко мне подошла очаровательная сотрудница музея, журналистка, партизанка, человек удивительной судьбы Сарра Шнеер. Мы познакомились, и я ей оставила свою повесть...

Через некоторое время в журнале «למדו» за 1994 год, который выпускал музей, была опубликована переведённая на иврит моя «Крапивка». Своему переводу

она дала название «הצלת 'לד' קראפ'כקה» («Спасение детей из лагеря 'Крапивка'») Так впервые моя повесть была опубликована на иврите, причём в прекрасном переводе, сделанном Саррой Шнеер.

К журналу была приложена замечательная записочка, датированная 20.02.1994 г.

Фотографии из журнала:

1. קראפיבקה

הכפר קראפיבקה מתחבא בין גבעולי סירפד גבוהים, שביניהם מסתתר נחל שקט, שגם שמו קראפיבקה (פירושו סירפדית). המקום יפהפה: יערות אורנים תמירים, מרחבי אחו שטופי אור שמש, ובקירבת מקום מזרימה את מימיה הברזינה. כאן הקימו מורי ביילורוסיה למען ילדיהם את מחנה הפיונרים קראפיבקה.

במרחק 7 קילומטרים מהכפר התנוססה על חופי הנהר ברזינה עיר עתיקת ימים בוברויסק. היא מוזכרת לראשונה בכתובים לפני 600 שנה. עד פרוץ מלחמת העולם השנייה התגוררו בה כ־70 אלף יהודים וכל אוכלוסיית העיר הלא־יהודית הבינה ואף דיברה בשפת יידיש.

הכפר קראפיבקה גבל בישוב טיטובקה, שלידו הצטלבו הכבישים למוהילוב, רוגצ'וב וזלובין. (מקום זה הפך להיות בימי התקפות הצבא הסובייטי ב־1944 איזור לקרבות טנקים עקובים מדם).

למחנה הפיונרים נהגו לבוא כדי לנוח ילדים מסטארייה־דורוגי, סלוצק, פריצ'י, בוברויסק, אך רבים מכולם בני מינסק.

ב־7 ביוני 1941 התחלפו במחנה, כרגיל, משמרות הפיונרים. הילדים חולקו לשלושה גדודים ונקבעו מדריכיהם: לאוניד זאמז'יצקי, מיכאל קיטייצ'יק, ונאום פודרסקי. הם היו בני 15–16.

חיי הילדים בקראפיבקה יכלו להיות נהדרים. תכופות הדהדו בה קולות השירה. אך הם אהבו במיוחד את השיר על ארנב הכסף:

בתכול ההרים, צללי הימים,

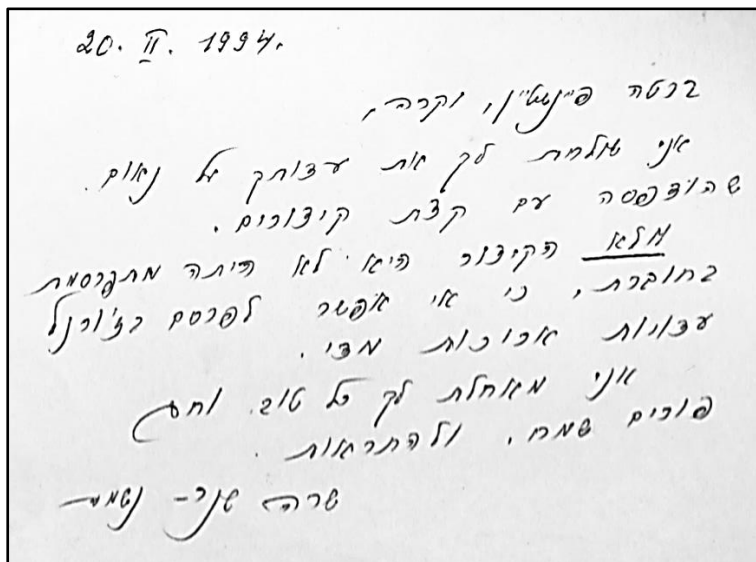
הארנב הכסוף שם ישכון,

מי יאוחז בארנב, שרים פיטנים,

לעולם לו האושר יכון.

המחנה התכוון לפתיחה החגיגית, שנועדה ל־22 ביוני.

Записочка Сарры Шнеер

Перевод: Я шлю тебе рассказ про Наума, что напечатано с небольшими сокращениями.

Если бы не эти сокращения, то она не могла бы быть напечатанной в этом журнале, т.к. в этом журнале не печатают длинные рассказы.

Желаю тебе всего хорошего.

Поздравляю тебя с праздником Пурим.

Сарра Шнеер умерла в 2008 году в возрасте 95 лет.

Я не могу не выразить в своей книге огромную благодарность Сарре Шнеер за большую работу по переводу и публикации моей повести, а также за многолетнюю дружбу (по переписке и по телефону) и не рассказать хотя бы вкратце о ней.

Первые детские воспоминания Сарры были связаны с городом Кёнигсбергом. Она происходила из семьи раввинов. Её отца пригласили служить раввином в Юрбаркас (город в Западной Литве, на правом берегу Немана).

Мама Сарры, Лиза Франк, принадлежала к известной семье Франк. У неё было три дочери. В начале войны ей с девочками удалось вырваться из Литвы и добраться до города Куйбышева, где они прожили до 1944 года, после чего вернулись домой.

У Сарры жизнь сложилась следующим образом: с юных лет она была убеждённой сионисткой и готовила себя к жизни в Палестине, мечтала, что и она будет участвовать когда-нибудь в строительстве еврейского государства.

До войны она жила в Литве и активно участвовала в молодёжном движении «Ха-Халуц» и была избрана в центральный комитет этого движения. За несколько часов до вступления немцев в Каунас она бежала из города, долго скиталась, старалась несколько раз перейти линию фронта. Шла через белорусские городки и местечки, где евреи уже были загнаны в гетто. И только в деревне под названием Дворец Глусского района Могилёвской области встретила партизанов и с оружием в руках в составе партизанского отряда сражалась против фашистов.

В Каунас вернулась в 1944 году, но всей душой рвалась в Палестину. Она преодолела много трудных дорог, пока сбылась её мечта.

О своей жизни она написала несколько книг на иврите и английском языках под псевдонимом Сарра Нешамит. Сарра решила, что нужно рассказать обо всём

пережитом, что она знает и помнит. Ведь это нужно тем, кто идёт за нами!

Много лет Сарра Шнеер работала научным сотрудником музея «Бейт Лохамей ха-геттаот»¹ имени поэта Катастрофы Ицхака Каценельсона.

В послевоенные годы была участником многих конгрессов Международной организации Сопротивления (FIR), участвовала в спасении и переправке еврейских детей-сирот из Польши в Израиль. Поэтому не удивительно, что рассказ о героическом спасении еврейских детей тремя мальчиками-школьниками так её взволновал, и она сразу же решила перевести на иврит и опубликовать прочитанное.

Сарра была очень известным и глубокоуважаемым сотрудником Музея. Она писала и книги для школьников о героизме еврейского народа.

Сожалею, что мало времени общалась с ней. Память о ней – это её чудесный перевод «Крапивки».

¹ «Бейт Лохамей ха-геттаот» — дом-мемориал борцов гетто, расположенный на севере Израиля на территории кибуца «Лохамей ха-геттаот». Полное название «Музей наследия, документационный и учебный центр Холокоста и еврейского сопротивления имени Ицхака Каценельсона». Назван в честь Ицхака Каценельсона — еврейского поэта и подпольщика Варшавского гетто, погибшего в Освенциме. Первый в мире музей Катастрофы европейского еврейства, крупный международный музейный и учебно-образовательный комплекс. Один из немногих музеев, отражающих тему еврейского сопротивления в период Холокоста.

«Крапивка»

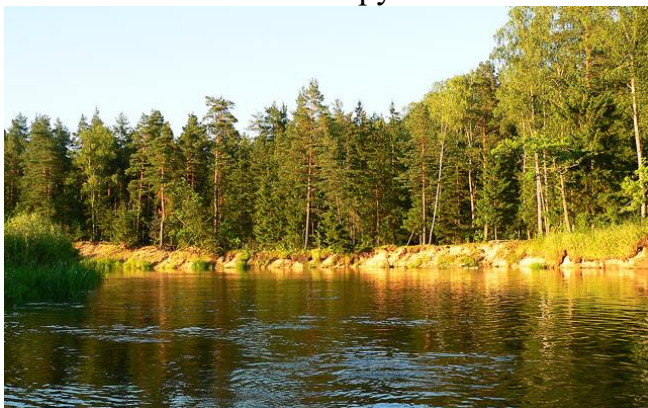
Повесть

Там, где некогда густые заросли крапивы прятали тихую речушку, выросла деревня. И называли её, как и речку, Крапивкой.

Это было прекрасное место: чистые сосновые леса, светлые луга, недалеко несла свои воды красавица Березина.

Леса пол Бобруйском

Река Березина

Здесь белорусские учителя построили для своих детей пионерский лагерь, и назвали его по имени деревни и речушки «Крапивка».

Деревня находилась в семи километрах от стоящего на реке Березине старинного города Бобруйска, первые сведения о котором появились более шестисот лет назад. До войны в нём жило около семидесяти тысяч евреев, и почти всё нееврейское население города говорило на идиш, а в крайнем случае – понимало этот язык.

Издавна Бобруйск был городом трёх религий: православия, католицизма и иудаизма. Ещё в 1932 году в Бобруйске насчитывалось семь церквей, один костёл и 32 синагоги. Понадобилось 50 лет, чтобы разрушить всё это.

Деревня Крапивка находилась рядом с посёлком Титовка, у которого сходились Могилёвское, Рогачёвское и Жлобинское шоссе. (Это место во время наступления советских войск при проведении операции «Багратион» в 1944 году стало ареной крупных танковых сражений).

В пионерский лагерь на отдых приезжали дети из Старых дорог, Слуцка, Паричей, Бобруйска, но больше всего – из Минска.

7-го июня 1941 года, как обычно, в лагере началась пионерская смена. Детей разделили на три отряда, в которых пионервожатыми были Леонид Замжицкий, Михаил Китайчик, Наум Подерский. Им в ту пору было по 15-16 лет.

Хорошо жилось детям в «Крапивке», часто звучали песни. Особенно они любили «Песню про серебряного кролика»:

*Где горы синеют, где море темнеет,
Серебряный кролик живёт,*

*И в песнях поётся, кто им овладеет,
Тот счастье людское найдёт...*

Лагерь готовился к торжественному дню – открытию, и назначено оно было на 22 июня. Вечером должен был запылать большой пионерский костёр. И никто ещё не знал, что через несколько часов разгорится пламя, в котором погибнут миллионы людей...

Война!

22 июня в 4 часа утра на Бобруйск упали первые бомбы. Взрывы были слышны в «Крапивке», но там думали, что идут учения; никто ещё не догадывался, что началась война, и что Советский Союз станет главным фронтом этой войны, а дети из «Крапивки» попадут в самое её пекло...

Утром всё было готово к открытию лагеря. Прошла торжественная линейка, хотя все уже знали о войне. Начальник лагеря сказал: «Не создавайте паники, уважаемые родители. Все дети остаются в лагере, враг будет разбит...».

Минские дети были очень встревожены: никто из их родителей не приехал в «Крапивку». Они ещё не знали, что Минск уже непрерывно бомбили, город горел, путь на Бобруйск был отрезан...

Много лет спустя минская школьница Соня Консисторум вспоминала об этом дне:

– Мы стояли на торжественной линейке, ждали своих родителей и ещё не знали, что впереди нас ждут тяжёлые испытания: сиротство, голод, холод и всё остальное, что связано с войной.

23 и 24 июня дети ещё находились в «Крапивке», и только 25-го начальник лагеря решил отправить всех детей в Бобруйск, а оттуда – по домам.

В этот же день все мужчины-работники лагеря были мобилизованы в армию; с детьми остались только старшая вожатая Ида, завхоз тётя Соня и вожатые Лёня, Миша и Наум. Весь остальной персонал (нянечки, поварахи и пр.), забрав своих детей, разбежался по домам.

25-го июня детей привезли в Бобруйск и разместили в пустующем здании детского дома. Вожатые отправляли детей автобусами и попутным транспортом в Паричи, Слуцк, Старые дороги... Вечером они вернулись в детдом с теми, кого не удалось отправить; здесь же находились дети из Минска, их было около 100 человек.

26-го июня по местному радио сообщили, что на город летят 60 немецких бомбардировщиков, и населению предлагали переночевать за Березиной...

Что было делать с детьми в такой сложной ситуации? Вожатые решили идти с ними в Минск.

Наум забежал домой. Родители были дома, а брат и сестра – в бомбоубежище. Выслушав сына, отец сказал: «Нас двое, и у нас двое детей, а у тебя и твоих товарищей их больше ста. Возвращайся к ним, и ведите их в Минск, а мы тебя здесь подождём...».

Наум вспоминает: «Это было в духе моего отца, у которого было очень развито чувство ответственности».

Отец Наума, Гирш Липманович Подерский, был родом из семьи потомственных мельников. Сам он тоже работал на мельнице, был очень общительным человеком, популярным в крестьянской среде. Среди его друзей был

и православный священник деревни Любоничи, который во время оккупации пытался спасти семью Подерских.

Мать Наума, Креся Шендеровна Гольдберг, была из семьи потомственных кузнецов.

Наум был старшим сыном. Он родился в 1925 году в Бобруйске, где жил и учился до войны.

Единственные, чудом сохранившиеся фотографии:

Наум, 1926 год

Справа: Наум и его братишка Лёва, погибший со всей семьёй в Бобруйском гетто в 1941 году

Вспоминает Ирина Родштейн:

– Мне кажется, что Наум сразу стал взрослым. В 14 лет он отправился на заработки: в 1940 году начал работать в пионерском лагере «Крапивка», где ему доверили самых маленьких детей.

В школе он увлекался поэзией, спортом, мечтал стать учителем. Это был красивый черноглазый юноша

с обаятельной улыбкой. Он умел мыслить, и был твёрд в своих решениях.

Наум был хорошим сыном, очень любил и уважал своих родителей, любил и баловал маленьких Лёвочку и Розочку.

Он попрощался с матерью и отцом, пообещав, что сразу же вернётся в Бобруйск, как только передаст минских детей их родителям.

Хождение по мукам...

У Наума в «Крапивке» было два друга – Лёня и Миша.

Лёня Замжицкий, которому в то время было 16 лет, рос в большой бедной польской семье, жил и учился в Бобруйске, дружил с еврейскими ребятами. К началу войны закончил девять классов.

Это был добродушный гигант, наделённый от природы необыкновенной силой. В лагере «Крапивка» он был всеобщим любимцем.

Третьему вожатому, Михаилу Китайчику, тоже было шестнадцать лет. Смуглый кудрявый юноша из очень бедной еврейской семьи, он рос без отца. Увлекался поэзией и сам писал стихи.

Вожатым со своими подопечными уйти на Минск не удалось: военные их сразу же вернули назад. И они влились в поток людей, направляющихся в Бобруйск.

А в городе была паника: жители стремились уйти за Березину; военные занимали за рекой оборону; город горел – это пылала нефтебаза; красноармейцы минировали деревянный мост через реку – железобетонный был уже взорван...

И отряд снова, ещё на день, вернулся в свой лагерь. А в селе Крапивка уже стояли танки, пехота рыла окопы. Командир, добрый человек, тронутый видом измученных голодных ребятишек, проявил участие. Детей накормили солдатской кашей. Вокруг бомбили, и в лесах уже появились немецкие парашютисты. Нужно было уходить...

Детей решили отправить по железной дороге из Бобруйска ближе к Гомелю. Но до Бобруйска надо было опять добираться пешком.

К счастью удалось воспользоваться старенькой грузовой машиной. Собирая детей в дорогу, вожатые каждому ребёнку дали с собой одеяло и кое-что из личных вещей. Старшие шли пешком, а младших везли на машине «перекатами»: каждый раз возвращались за следующей группой. Направлялись к станции Телуша, а оттуда надеялись добраться до Гомеля.

В самом начале пути дети были напуганы, плакали, до Гомеля практически нечего было есть. Но они были послушны. Осложнил движение десятилетний Вова Артюх, которого парализовало в результате нервного потрясения. Старшие ребята несли его на одеялах до станции.

Ночью добрались до цели, чудом погрузили детей на открытые платформы и поехали в Гомель.

Вспоминает Соня Консисторум:

– Не будь с нами, детьми 10-13 лет, наших вожатых, которые и были-то на 2-3 года старше нас, мы в этом уверены, что немцы бы уничтожили нас...

По дороге на Телушу произошло ещё одно событие; о нём рассказывает Ирина Родштейн:

– Многокилометровый пеший переход для меня, десятилетнего ребёнка, был тяжёлым испытанием. Шли день и ночь, многие дети засыпали на ходу или старались убежать из колонны. Но наши вожатые зорко за всеми наблюдали, всё время пересчитывали детей. Помню, как ночью в лесу, обессиленная, я незаметно отстала от колонны, сошла с дороги и уснула в канаве.

Наум вскоре обнаружил пропажу самой маленькой в отряде Ирочки Родштейн, которую все любовно называли «Пушкин». Это была красивая живая девочка с карими глазами и шапкой густых чёрных кудрявых волос. Остановили колонну. Наум с Тосей Лиштван пошли на поиски, обшарили все придорожные кусты и уже возвращались ни с чем. И вдруг Тося споткнулась о ножку спящей Ирочки...

К концу дня 27 июня дети добрались до Гомеля, и их разместили в клубе железнодорожников. В Гомеле это были первые беженцы. Горком комсомола направил детей в Чёнки, в дом отдыха на реке Сож, недалеко от Гомеля. Персонала уже не было. Но сто маленьких детей хотели есть, а в кладовых сохранились только небольшие запасы конфет и печенья, другой пищи не было. Поэтому вожатые ходили по окрестным деревням и кое-что выпрашивали для детей. В лагере старались соблюдать режим дня, порядок. Работали – рыли траншеи, где дети прятались во время налётов немецких и итальянских самолётов.

Бомбёжки всё усиливались – нужно было уходить. Такая относительно спокойная полуголодная жизнь длилась около двух недель. И это время дети вспоминали потом как самое счастливое за все годы войны.

А немцы уже заняли Минск, Бобруйск, и надо было возвращаться в Гомель. И снова – строй звеньями, одеяла с собой. Шли более организованно – появился порядок. Дети за короткий период повзрослели, стали более чуткими друг к другу.

Вспоминает Аня Миненкова:

– Я с трудом передвигалась: болела нога, и двое мальчиков несли меня «на стульчике» многие километры.

Вожатые были примером для воспитанников: всегда спокойны, терпеливы, добры и вездесущи.

В Гомеле сразу же направились в знакомый клуб железнодорожников. Там уже было много детей. Среди них выделялась группа польских ребят в национальных костюмах. Они были на смотре самодеятельности в Белостоке и оказались в Гомеле. Одни, без взрослых, голодные, беспомощные, они вызывали чувство жалости. Все только и говорили об эвакуации. Но как? Вожатые и старшие дети занимались поисками еды и возможности эвакуации. В одном магазине нашли шоколад, печенье и конфеты – «язычки» с ликёром. На конфеты удалось выменять мешок сухарей. Больше ничего не достали.

В эти дни в Гомель прибыл маршал С.К. Тимошенко со своим штабом. Говорили, что под Гомелем будет дан «Сталинский бой». В городе было много военных, беженцев, шла эвакуация учреждений и предприятий. И среди этого людского моря – дети...

Эвакуировать детей пока не удавалось, и Наум решил пойти на хитрость. Из детей была создана делегация во главе с энергичным еврейским мальчиком (его имени и фамилии никто не запомнил). Он попал к Тимошенко и рассказал ему о бедственном положении детей в железнодорожном клубе.

Маршал выслушал его и приказал отдать свои штабные вагоны для эвакуации всех детей из клуба. Быстро погрузились в вагоны. Дети мгновенно заснули на голых полках, ведь они очень устали и были наполовину пьяны, так как целый день ничего не ели, кроме «язычков» с ликёром.

А немцы беспрерывно бомбили город.

Вспоминает Наум:

– Когда отошёл поезд, и я увидел, что все дети, живые и невредимые, уже в вагоне, – я заплакал... Это были мои последние слёзы...

Он чувствовал, что прощается со своей семьёй навсегда. Спасая детей, он оставлял на растерзание врагу родной дом, друзей, самых дорогих людей – отца и мать, братишку с сестрёнкой.

Плакали Лёня и Миша...

Они понимали, что сделали большое дело – спасли от немцев детей, ведь большинство из них были еврейские дети...

Эвакуация

Поезд медленно полз по белорусской земле; пути забиты, на вокзалах толпы людей. Война сопровождала эшелон воздушными тревогами, бомбёжками, голодом, жаждой и страхом...

А родители, успевшие вырваться из Минска, искали своих детей.

Софья Альбертовна Миненкова узнала, что некоторые белорусские пионерские лагеря проследовали в эшелонах в направлении Воронежа. И однажды ей указали состав, в котором находились минские дети.

– Нет ли среди вас, дети, маленькой чёрненькой Анечки?

– Есть, – ответили ей.

Аня уходила с мамой, и друзья дарили ей на память кто что мог.

Это событие взволновало всех детей: они поверили, что и с ними может произойти чудо...

Состав двигался дальше. На станциях вожатые запасались едой и водой для детей.

Всех эвакуированных из этого состава высадили на станции Урюпинск Сталинградской области.

Дети из Минска вместе с польскими детьми были размещены в трёх станицах. В Будённовской их приняли хорошо: разместили в клубе, кормили, сильно работать не заставляли. Казачки приходили посмотреть на «еврейчиков».

Вожатые со старшими детьми работали в полную силу, по-прежнему они оставались для своих воспитанников защитой и опорой.

Здесь Наум подружился с Ваней, сыном работника почты; вместе они мечтали уйти на фронт.

Наум слышал о зверствах фашистов на оккупированной территории, но не знал ещё, что его родители в гетто. Он очень спешил воевать, т.к. хотел мстить немецким извергам.

Вся его дальнейшая жизнь – ответ антисемитам: да, евреи честно и самоотверженно воевали и внесли свой вклад в разгром фашизма. Зимой 1941 года Наум и Ваня поехали в Сталинград, где формировался лыжный батальон. Наума не взяли: ведь ему не было ещё и 16-ти лет...

Вскоре дети из всех станиц были собраны в Урюпинский детский дом. Здесь они учились в школе, помогали взрослым, работали для фронта: вязали шерстяные чулки и перчатки. Но детям было очень трудно, так как заведующая детдомом, по словам Тоси Лиштван, «была лютым зверем»:

– *Её злило то, что дети хотели есть, она попрекала их каждым куском. А с одеждой и обувью было и вовсе очень плохо: выдавали одну пару валенок на пять человек; одежду сами себе шили из разной ветоши.*

Рассказывает Соня Консисторум:

– *Страшно вспомнить, как над нами издевались, но самое страшное было то, что нас не кормили...*

Чтобы не умереть с голоду, дети начали воровать, вожатые – ломать заборы, чтобы немного протопить печи и согреть детей.

Вспоминает Ира Родштейн:

– *Я увидела у одной хозяйки на чердаке крахмал и ежедневно понемножку воровала его, делала из него «еду» – размешивала с водой, и это помогло мне не умереть с голоду.*

Однажды Наум увидел у забора детдома солдата, он смотрел на играющих детей:

– Может, и моя дочурка там играет?

– А как звали вашу девочку? – поинтересовался Наум.

– Тамара...

– Трухан?

– Да...!

– Сейчас позову.

Отец-солдат вместе с дочкой провёл несколько часов до отъезда на фронт.

А в детдоме продолжалась борьба с голодом, борьба за жизнь.

Малыши остались в детдоме одни, потому что пионервожатых и старших детей направили в Сталинград для учёбы, большинство из них оказалось в школе ФЗО (фабрично-заводского обучения) № 3, организованной при Сталинградском тракторном заводе.

Через неделю после начала занятий они стали работать на СТЗ: днём – у станка, ружьё и противогаз рядом, а ночью ловили диверсантов. Было голодно, не было сил работать. На заводе мальчики стали токарями-операторами.

Изредка Наум навещал малышей в детдоме, он добился того, что заведующую убрали; её сменил опытный педагог – добрый, умный, деловой человек – Илья Израилевич Шерман.

Однажды в Сталинграде заболели дети из «Крапивки», брат и сестра Тесёлкины, у них была скарлатина. Голодные дети были очень плохи. Спасение больных было в хорошем питании. А где его взять? И Наум на товарняках добрался до Урюпинска, надеясь на помощь Ильи Израилевича.

И.И. Шерман послал самых отчаянных детдомовцев выпрашивать по станицам махорку, за неё можно было выменять всё.

Наум привёз в общежитие половину вещмешка махорки. Дети были спасены.

Страшный 1942 год!

Немцы приближались к Урюпинску. И.И. Шерман срочно эвакуировал детдом в Сталинград. Дети попали,

пожалуй, в самое опасное место на войне. Немцы постоянно бомбили город.

Наум был контужен и лежал в общежитии. За ним и другими детьми И.И. Шерман прислал гонцов.

Детдомовцев погрузили на пароход вместе с ранеными бойцами. Снаряды сыпались вокруг, как дождь. Дети видели, как затонули недалеко два парохода. Это было 23 августа 1942 года.

Рассказывает Тося Лиштван:

– От взрывной волны наш пароход сильно качнуло, и сорвавшейся тележкой мне раздробило пальцы на ноге, а у Иры была пробита голова от падения с полки. Из-за бомбёжек пароход часто останавливался, причалив к берегу, и дети по трапу выбегали на пристань. А меня и Иру выносили на руках Лёня и Наум.

Разве можно такое забыть?

Пароход с детдомовцами прибыл в Астрахань. Дети жили на барже, спали на двухэтажных нарах, затянутых марлей (над ними летали чёрные тучи комаров), были сыты.

Следующие остановки: гг. Камызяк и Верхнерыбинск. Здесь детей устроили в школе, кормили, в основном, сушёной рыбой. Старшие включились в рыболовецкую бригаду калмыков и отлавливали осетров.

И снова немцы заставили детдом эвакуироваться дальше. Путь лежал в Казахстан; а для этого надо было переплыть Каспийское море. Плыли на барже, чуть не утонули – спасли военные моряки. А пока спускались вниз по реке Урал; направление – город Гурьев.

И попали «из огня да в полымя» – там началась эпидемия холеры.

Холера...

Детдом остался жить на барже, на реке Урал, питались рыбой, которую ловили сами примитивными крючками, сделанными из английских булавок. Спасением от холеры была кипячёная вода. Пить воду из реки было нельзя. Где было достать топливо? Вокруг была голая степь. Вожатые послали старших детей вниз по течению Урала, к дельте, искать топливо.

По дороге они увидели лагерь для заключённых. Дети рассказали о себе. И на них посыпалось из-за проволоки драгоценное топливо. Этих дров хватило на 4 дня.

В лагере умерла от холеры одна девочка, очень быстро умерла...

Вожатые решили бежать с детьми из карантина. Куда бежать? До ближайшей станции железной дороги. А как найти дорогу? Идти вдоль реки Урал.

Ещё находясь на карантине в Гурьеве, Наум видел проплывающие мимо них баржи с умирающими от холеры людьми. И вдруг на одной из них он узнал родителей своего бобруйского товарища; Наум и Миша добыли лодку и догнали баржу. Умирающего земляка и его жену они усадили в лодку, чтобы чем-то помочь им на берегу, но бедняга умер тут же, в лодке. Ребята уже знали, как хоронят умерших от холеры: их заворачивают в одеяла и закапывают на берегу. Они так поступить не могли, потащили покойника к кладбищу, которое виднелось на горе. Но, к несчастью, кладбище оказалось мусульманским, им разрешили похоронить мертвеца лишь за оградой кладбища. Помогая своей землячке, они совсем не думали о смертельной опасности, нависшей над ними.

Санитарная служба обнаружила, что детдом самовольно покинул карантин. За беглецами был послан самолёт – предлагалось немедленно вернуться в Гурьев.

Вожатые применили манёвр: якобы повернули колонну назад, но только до тех пор, пока не улетел самолёт. Не дождавшись детей к расчётному времени, врачи поняли, что их обманули, и дали команду «мятежников» задержать в первом же населённом пункте. Им оказалось село Яманха. Детей разместили в сараях, их не кормили, на них не обращали внимания, держали взаперти. Однако холерой больше никто не заболел.

Теперь было очевидно, что в таком составе до Уральска не добраться, и вожатые со старшими «крапивками» и польскими детьми отправились в Уральск, а малышей оставили в Яманхе.

Детей отправили в детскую колонию для правонарушителей; хороших детей отдали на растерзание хулиганам. Это были страшные места. Колонисты избивали учителей, воспитателей, забирали у новичков еду, одежду, а ночью её им же продавали. Атаман ежедневно назначал новую жертву для издевательств. Малышам не было покоя ни днём, ни ночью. И не было на хулиганов никакой управы.

За время поездки по Уралу и пребывания в колонии умерло много детей.

Жизнь продолжается

На этом беды детдомовцев не кончились: они попали в казахский детский дом, где их жизнь была не лучше, чем в колонии. Дети 13-15 лет тяжело работали в колхозе,

а по вечерам вязали носки и перчатки для фронта. Питались только пшённой кашей с льняным маслом.

С этой группой детей жил Наум. Он решил идти воевать, хотя понимал и то, что детям без него будет нелегко.

А жизнь продолжалась. Некоторых детей нашли родственники и забрали к себе, повзрослевшие «крапивки» учились в ФЗО города Гурьева, где они потом работали до конца войны.

Польские дети ушли в польскую армию, которая формировалась в Куйбышеве и в других городах на Волге. А оттуда их путь лежал в Африку, где они воевали с немцами.

Лёня Замжицкий за эти годы превратился в настоящего богатыря, его доброе сердце согревало осиротевших детей. Он мечтал о службе в армии, несколько раз пытался попасть на фронт, но его, поляка, в армию не взяли, а мобилизовали в трудовую армию для работы на шахте.

Наум и Миша со старшими детьми доехали до станции Арысь и здесь разделились на две группы. Одна направилась в Алма-Ату, другая – в Ташкент.

Наум со своими ребятами жил и работал в селе Каскелен, в 18 км от Алма-Аты.

Жил Наум у хозяйки, и вместо её сына с радостью явился в военкомат. Ему уже было 17 лет. Его направили в Орловское пехотное училище, которое было эвакуировано в г. Чарджоу.

Миша и его группа обосновались в Ташкенте. Они закончили ФЗО и стали полумастерами-текстильщиками на Ташкентском текстильном комбинате.

Военная биография

Наум и Миша ушли воевать. Лёня работал шахтёром. Шёл 1943 год...

Не закончив учёбу в училище, курсанты были в полном составе брошены на форсирование Днепра. Наум был среди них. Он был командиром расчёта станкового пулемёта «Максим»; он участвовал не только в форсировании Днепра, но и в освобождении Украины от фашистов. С боями дошёл до Румынии. Был несколько раз ранен. Отмечен боевыми наградами.

В июле 1944 года Наум Подерский был направлен в танковое училище в город Чирчик. Уже после окончания войны, будучи курсантом танкового училища, до присвоения офицерского звания, Наум и его товарищи были направлены на работу на Ташкентский текстильный комбинат, где он встретился со своими воспитанниками, с которыми расстался на станции Арысь.

Наум закончил танковое училище в 1945 г. в звании младшего лейтенанта. И началась его служба в танковых войсках на всех основных командных должностях, от командира взвода до начальника оперативного отдела дивизии.

Все последние годы службы жил и работал в Белоруссии, в городе Бобруйске.

Наум Григорьевич Подерский уволился из армии в звании подполковника в 1974 году.

Наум Подерский:
Первые месяцы в армии Подполковник танковых войск

Бобруйское гетто

Сразу после окончания войны в родной город Науму вернуться не удалось. Встреча с Бобруйском произошла только в 1946 году.

Это была трагическая встреча. Наум ходил по городу, стоял в Каменке у рва и не мог поверить, что здесь покоятся его родные...

Очевидцы рассказывали, что в гетто догадывались о предстоящей акции, ждали её со дня на день. Немцы выбрали для ликвидации евреев день 6 ноября 1941 года, канун Октябрьских праздников.

Бобруйское гетто существовало с августа 1941 г. по февраль 1942 г. За это время в нём было уничтожено 25 тысяч евреев.

Мемориальный знак «Узникам Бобруйского гетто», установленный на ул. Бахарова (бывш. Шоссейной)

Вот как это было: вдоль всего города растянулась траурная процессия, она начиналась в гетто и заканчивалась у рва, огромного рва, вырытого в деревне Каменка, что под Бобруйском.

Евреи шли молча, с достоинством, они прощались с людьми, с городом, с жизнью, его, города, жители, труженики, гордость, а он не сумел их защитить...

Колонны евреев сопровождали немцы с собаками и белорусские полицейские, которые были хуже немецких овчарок.

Плакали за закрытыми окнами сердобольные белорусские люди, плакала природа — тёплые дни сменились холодом, дождём с градом, снегом. И снег падал на раздетых людей, которых «согрела» пулемётная очередь...

*На кромке рва сорвали с них одежды.
На обувь мёртвых тоже будет спрос.
На кромке рва, без боли и надежды
Стояли люди, выпрямившись в рост.
Мятежный дождь рыдал над их плечами,
Спускаясь вниз по бёдрам и ногам,
И дети удивлялись своим мамам,
На улице раздетым донага...
А душ дождя до дыр дырявил тело –
Так глубоко и пуле не достать.
И мамы на глазах детей сидели –
За прядью прядь,
За прядью прядь,
За прядью прядь...!
Заправлены все ленты в пулемёты,
Направлены все псы на матерей.
Затравленно, как у собаки мёртвой,
Мутнеет взгляд убийц...
А у детей...
В глазах детей нет горечи затмения,
В них немо вопрошает удивленье:
Что, в самом деле, смерть на свете есть?
КАКАЯ, В САМОМ ДЕЛЕ, ЭТА СМЕРТЬ?..
(Л.Коваль, «Стон», Рига, «Лиесма», 1990 г.)*

Сейчас в Каменке, на том месте, где фашисты расстреляли бобруйских евреев, стоит памятник – это урны, наполненные углём, углём из человеческих тел, облитых мазутом...

Обелиск в селе Каменка под Бобруйском на месте расстрела евреев 6-го ноября 1941 года

Дома

Закончилась война. Вернулись из эвакуации Ира, Соня, Галя, Тося и многие другие минские дети из «Крапивки».

В Белоруссии каждый четвёртый житель был убит, замучен, угнан в неволю... Минск лежал в руинах. Найти кого-либо было очень трудно. И девушки ничего не знали друг о друге.

Еврейские дети слышали о трагедии в гетто, узнали подробности гибели родных...

Все они искали своих вожатых, но пока не находили.

Приезжая в отпуск в Бобруйск, Наум бывал и в Минске, надеясь встретить кого-нибудь из своих воспитанников, но пока их пути расходились...

Город оживал, люди выходили из лесов, и среди них были евреи-партизаны, бывшие узники Минского гетто. Они рассказывали о величайшей трагедии, разыгравшейся в гетто, о мужестве и героизме Минского подполья – душой и организаторами которого были евреи.

Семья Родштейн

Ирина наконец-то дома. Дома..., а город разрушен, дом сгорел, отца, мачеху, Милявскую Татьяну Григорьевну, и братика 40-го года рождения, расстреляли немцы...

Рассказы очевидцев о зверствах немцев в гетто не давали спать по ночам, жить... Постоянно перед глазами был отец, которого в городе уважительно называли Лазарь Павлович.

А был он Лазарь Пейсахович. Ещё до революции и позже он переписывался с Янушем Корчаком (Генриком Гольдшмитом) Идеи известного во всём мире педагога и доктора были ему очень близки. Под влиянием Корчака Лазарь Родштейн организовал в Минске первую еврейскую школу-интернат, которая находилась на улице Володарского. Лазарь Пейсахович был известным в Белоруссии просветителем, методистом, преданным идее восстановления способностей умственно-отсталых детей. Школа успешно работала до 1936 года.

Когда школу-интернат закрыли, Л.П. Родштейн был назначен директором школы № 12, где преподавал в старших классах математику.

Когда началась война, он эвакуировал свою школу, а сам остался с детьми, для которых не нашлось места в эшелоне, уходящем на восток, да и не мог он уехать из города без своей единственной десятилетней дочки Ирочки, которая перед началом войны была отправлена в пионерский лагерь «Крапивка» под Бобруйском.

На рассвете 27 июня 1941 г. немцы забрали его из дома и расстреляли вместе с сыном Лёвочкой.

Герц Пейсахович Родштейн.

После войны нашёлся старший брат отца Ирины, дядя Герц. По словам Ирины, он был уникальной личностью. Всю свою жизнь он посвятил написанию истории еврейского народа. Первый экземпляр рукописи был передан дочерью, эмигрировавшей в США, в Яд-Вашем.

После войны он жил в Москве, в восьмиметровой комнатке, единственной «роскошью» которой была кровать. Всё остальное пространство занимали стеллажи и книжные шкафы.

Герц Родштейн был очень образованным человеком: фармацевт, экономист, лингвист, историк. Большое внимание он уделял коллекционированию еврейских культовых предметов, энциклопедий, словарей, произведений писателей на иврите и идише.

Герц вёл обширную переписку с еврейскими общинами Белоруссии, поддерживал связь с виднейшими сионистскими деятелями мира. Ивриту обучал бескорыстно всех желающих. После войны работал над книгой о Катастрофе европейского еврейства, параллельно с этой работой он собрал коллекцию

«Славных еврейских имён» – воинов, учёных. Это третья по количеству экспонатов коллекция в стране.

Герц Пейсахович, как мог, помогал Ирине, вселял в неё уверенность в то, что жизнь прекрасна, рассказывал о Великих евреях.

Г.П. Родштейн умер в 60-е годы. Свою уникальную коллекцию оставил дочери.

А Ирина из маленькой кудрявой девочки, которую в «Крапивке» называли «Пушкин» и которую спас Наум, превратилась в красивую стройную девушку.

Добрая, отзывчивая, способная, она сама всего добилась в жизни: днём работала, а вечером училась, стала инженером. Среди других людей её постоянно выделяла отзывчивость, любовь к людям, потребность делать добро.

Вожатые Наум, Лёня, Миша стали Ирине братьями, а Соня, Тося, Аня – сёстрами. Её муж – Зиновий Шульман – профессор-физик. Они вместе вырастили четверых детей, воспитывали внуков.

Наум и его дорогие «крапивки»:
Тося, Соня, Галя, Ира

Ирина со своим спасителем и другом всей жизни –
Наумом. Израиль

Ирина с мужем – Зиновием Шульманом

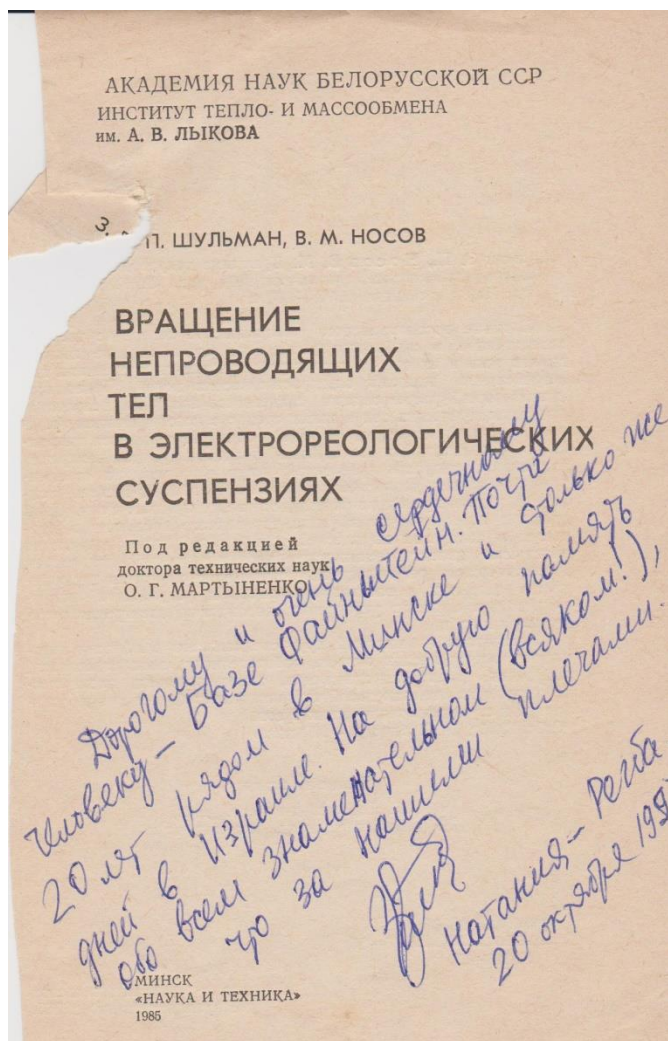
Мир развивается по непреложным законам. А постичь законы мироздания способны лишь профессионалы, люди, у которых есть опыт и знания. Зиновий Шульман понял эту истину ещё десятилетним мальчиком, пройдя школу макаренковской колонии.

Старшина Шульман получил приказ о демобилизации в 1947 году. Для уцелевших на войне мужчин открывалась тогда масса возможностей, и 23-летний фронтовик, кавалер ордена Славы, принял решение – поступил в ленинградский физтех – инкубатор советской научной элиты. Спустя двадцать лет он стал доктором наук, заведующим крупнейшей в стране лабораторией реологии, известным во многих странах учёным.

Но лучшим своим достижением успешный учёный считал выбор подруги жизни. Предложение руки и сердца было сделано им всего через три часа после знакомства. Тридцать пять лет в их доме жила любовь. Теперь там навсегда осталась только светлая память: профессор

Зиновий Пинхусович Шульман ушёл из жизни 4 февраля 2007 года. Он был полон творческих планов, которым не суждено было осуществиться...

В память о З.П. Шульмане я бережно храню его научные и литературные труды.

«Крапивку» я посвятила своей лучшей подруге, родному и близкому человеку, Ирине Шульман. Нас связывают полвека ежедневного общения, заботы и преданности, помощи и любви – таковы были и есть наши отношения...

Дружили и очень уважали друг друга наши замечательные мужья: З.П. Шульман и Н.Б. Файнштейн, люди высшей человеческой пробы.

Сейчас Ирина Шульман на пенсии, живёт со своими детьми и внуками в Хайфе. Совсем недавно в кругу родных и многочисленных друзей отметила своё 85-летие.

Берта Файнштейн и Ирина Шульман (справа)

Минское гетто

*Под каждым могильным камнем
покоится всемирная история.*

Нельзя писать о дальнейшей судьбе героев этой повести, ничего не сказав о Минском гетто...

Самой заветной мечтой детей из «Крапивки» в тяжёлые военные годы было возвращение домой.

А вернувшись в Минск, они узнали, что в начале войны немцы согнали всех евреев города в гетто. Улицы Немига, Республиканская, Юбилейная площадь, базар и немногие другие – вот что отвели им для существования фашисты. Жизненное пространство вокруг гетто сжалось плотным кольцом из колючей проволоки и глухого каменного забора. Узники носили знак своей принадлежности к еврейскому народу – жёлтую шестиконечную звезду, превращённую немцами в позорное клеймо, в постоянное ожидание кары только за то, что родился на свет евреем. Фашистам важно было советских евреев пригнуть к земле настолько низко, чтобы легче было стереть их в прах и развеять по ветру.

Трудоспособное население гетто выгоняли на самые тяжёлые и грязные работы. Уходя за пределы гетто, евреи продумывали, как и кому лучше скрыться, уйти к партизанам. И многие бы из них мужественно воевали, если бы не приказ Пономаренко, начальника партизанского движения Белоруссии, – не принимать евреев в отряды. Тем не менее, нужных людей, несмотря на приказ, – врачей, оружейников и других специалистов, они выводили с семьями из гетто.

А сумевшие уйти из гетто евреи скитались по лесам, хотели воевать. И только через некоторое время они стали собираться и создавать свои, еврейские, отряды, куда впоследствии вливались народные мстители разных национальностей.

Я хорошо знала Софью Баркан, у которой немцы убили мужа и детей, а её оставили в живых. Она стала разведчицей. Уходя на задание, Софья никого не боялась, убивала предателей, но боялась только одного – заснуть в какой-то белорусской хате, во сне потерять над собой контроль и оплакивать свою семью на идиш.

Много погромов пережили евреи в Минском гетто. Страшнее немцев свирепствовали полицаи-белорусы, проявляя животную ненависть к евреям.

Тяжёлая жизнь приносила лёгкую смерть, избавление от голода, холода, болезней, издевательств... Мёртвых сбрасывали в огромную яму, вырытую тут же на территории гетто.

Вместо замученных и умерших в гетто привозили евреев из Германии, Югославии и других стран Западной Европы. Этих евреев в Минске называли «гамбургскими». Своих, «гамбургских», евреев немцы не посылали на работы, а прямо в гетто сажали в душегубки и везли к огромным рвам в деревнях Малый и Большой Тростенец, под Минском, по Могилёвскому шоссе. Пока машина доезжала до рвов – люди в ней уже были мертвы... Часто их расстреливали прямо у рвов из пулемётов – не хватало душегубок. И долго ещё земля вздымалась от полуживых и живых людей, засыпанных в яме, и порой доносились из-под земли глухие стоны.

Отступая из Минска под натиском частей Красной Армии и партизан, немцы пытались скрыть следы своих чудовищных преступлений – день и ночь военнопленные складывали вырытые из рвов трупы в штабеля, обливали бензином и пытались сжечь их.

Но немцам не удалось замести следы преступлений – и советские воины, вступившие в город, увидели разрытые рвы с жертвами и несгоревшие штабеля человеческих тел. Видел это и И.Г. Эренбург, описавший свои чувства в статье **«О преступлениях нацизма в Белоруссии»**: *«Когда я приехал в Минск, то прошло уже 4 часа после того, как первые советские танки вошли в город. Город горел. Как только я столкнулся с первыми жителями, мне сказали, что некоторые евреи остались в живых в Минске в помещении СД. Это было несколько человек в очень тяжёлом физическом состоянии, которые рассказали, как они уцелели. Гестапо оставляли среди евреев наиболее опытных ремесленников для своего обслуживания. Фактически евреи находились в тюремном заключении и помещались либо в самом*

гестапо, либо в лагере при нем. Таких специалистов в Минске оказалось 200 чел., основную массу, по-видимому, немцы убили при отходе. Эти десять человек тоже знали, что их ждёт и, заметив первое смятение немцев в Минске, за пять дней до прихода наших спрятались в подземелье, которое они обнаружили под двором СД. История этих людей очень трагична. Среди них есть австрийский еврей, которого я спросил, что ему известно о том, какие страны обслуживал этот лагерь. По данным, которые у меня были раньше, на территории Советского Союза убивали французских, бельгийских и датских евреев. Удалось установить, что в Минске убивали евреев из Чехословакии, Австрии, Праги, в Вильно – евреев из Голландии. Австриец уцелел благодаря тому, что в тот день, когда его прислали, потребовался механик. Потом он присоединился к минским евреям – нескольким портным, слесарям, часовщикам из Слуцка и Барановичей. Немцы заставляли автослесарей исправлять "душегубки" (газенваген), которые ежедневно совершали рейсы в Большой Тростенец. Этот автослесарь изучил "душегубку" в точности. Её последняя форма, о которой я писал, называлась ГК-ваген. Кузов моментально опрокидывается быстрым нажатием кнопки и выбрасывает тела удушенных.

Во время облавы на немцев я попал в Большой Тростенец. Там лежали люди из колхозов, которые были убиты немцами. Последних евреев убили, но не успели сжечь, поэтому сотни трупов лежали там, сложенные штабелями, как дрова и были узнаваемы. Среди них были женщины и дети. Были огромные горы человеческих останков, выкопанные для сожжения. В течение всего последнего времени немцы сжигали закопанных раньше

людей. Всё производило страшное, фантастическое впечатление. Большое количество черепов, измеряемое тысячами, было свалено в поле. В противоположной стороне лежали аккуратно сложенные, но не сожжённые тела. Я писал в “Красной звезде”, что здесь увидел элемент справедливости, который благословил в своём сердце. Немцы пытались выйти из окружения именно здесь. Это было случайностью, они кинулись на Могилёвскую дорогу около Тростенца. Я видел наших бойцов, которые проходили мимо и слышал, что они говорили – там ни один немец в живых не остался. Вслед за картиной страшных преступлений я три часа спустя проехал в знойный день по Могилёвскому шоссе и видел расплату. Шоссе было завалено немецкими трупами, нельзя было дышать. Вот что я могу рассказать о Минске и Большом Тростенце».

Минск, лежащий в руинах

Здесь ли в Тростенце, или в огромной яме в центре гетто погибли родители Сони и Гали Консистерум, отец Ирины Родштейн и братья Лёвочка и Игорь, родители и родственники других еврейских детей из «Крапивки», никто точно сказать не может...

А о мужестве, человечности, благородстве минских евреев, приютивших в своих маленьких комнатухах, последнем приюте их пребывания на земле, «гамбургских» евреев, согrevших их души перед гибелью, ещё предстоит узнать и описать.

А вот как отнеслись к памяти погибших в гетто и Тростенецком лагере смерти людей руководители республики и Минска, хорошо известно.

Власти молчали (о трагедии еврейства не принято было говорить на высоком уровне). Места массовых расстрелов евреев на территории Белоруссии долго стояли заброшенными, без всякого памятного знака. Родственники погибших стучали во все двери – в ответ бездействие и равнодушие. И стали уцелевшие евреи по всей Белоруссии собирать средства и добиваться разрешения на установку памятников; так было в Бобруйске, в Чаусах, где похоронены расстрелянные родственники Героя Советского Союза известного разведчика Л.Е. Маневича, легендарного «Этьена», так было и в Минске.

В Тростенце были расстреляны не только евреи, но и военнопленные всех национальностей. Это власти не могли оставить без внимания. Памятник поставили не там, где были места массовых уничтожений людей, в Тростенце, а выбрали место чистое, красивое, хорошо видимое проезжающим по Могилёвскому шоссе. Сюда

можно было водить гостей и туристов. А надпись на памятнике не отражала ни правды, ни сути...

И только в 2015 году непосредственно на месте лагеря смерти был возведён мемориал памяти жертв Холокоста.

В одной из школ Минска со мной работала учительница Марья Степановна, жительница деревни Малый Тростенец. Она рассказывала: *«Когда шли расстрелы “гамбургских” евреев, нас, белорусов, выгоняли в леса: но мы слышали выстрелы и видели, кто помогал немцам из наших белорусов. Долгое время после окончания войны во время проливных дождей по вросшим в землю окнам нашего деревянного домишки стучали человеческие кости, вымытые дождями из Тростенецких ровов. Наши люди с ума сходили, теряли интерес к жизни, а несчастные напоминали нам, что они отомстят за свою гибель.*

Когда мы, жители деревни, бывали в городе, то, помогая партизанам, с риском для жизни выполняли всё заказанное ими. Нацистская пропаганда так забила мозги партизанам, что они открыто говорили евреям, стремящимся попасть в белорусские партизанские отряды: “Ну, какие вы вояки? Вас тысячами гонят на убой, а вы не оказываете никакого сопротивления, никакой борьбы“. И они отказывали евреям в приёме в партизанские отряды. Из-за этого много евреев погибло в лесах и болотах от холода и голода, от преследований полицией и фашистами.

Пропаганда ненависти к евреям исходила из Центрального штаба партизанского движения СССР, начальником которого был ярый антисемит Пантелеймон Пономаренко, первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии (1938-1947гг.)

Лагерь смерти Тростенец. Место бывшего колхозного амбара, в котором гитлеровские оккупанты сожгли более 6500 человек. (1944 год)

Здесь был лагерь смерти Тростенец

Мемориал в память жертв лагеря смерти Малый
Тростенец

***«Пусть будет светла и вечна память о мучениках,
страдальцах, но героях Катастрофы»***

На месте старой ямы, где была братская могила минских евреев, очень долго росли огромные лопухи, валялись ржавые вёдра, разный мусор... Люди боялись сюда приходить, могли последовать репрессии... Сотрудники в штатском фотографировали евреев, которые, приходили на это место.

Идея воздвигнуть монумент погибшим в дни праздника Пурим 2 марта 1942 года родилась в каждом еврейском солдатском сердце вернувшихся в 1945 году в родной Минск солдат-победителей фашизма. Они узнали чудовищную правду – их родные убиты, и тела их сброшены в песчаный карьер, и до сих пор это место – разверстая могила. На месте, где теперь яма, до революции были карьеры, в которых добывали песок для городского строительства. Яма была огромная: сюда заезжали подводы, на которых песок развозили по всему городу...

На этом месте во время погрома в гетто 2 марта 1942 года было уничтожено пять тысяч человек: детей, стариков, женщин, мужчин. Детей кидали живьём в яму и засыпали тяжёлым песком. Палач Белоруссии, Вильгельм Кубе, наблюдавший за этой акцией, бросал ребятишкам конфеты перед тем, как их живыми швыряли в могилу.

Борьба за памятник длилась долго, и всё же в конце 40-х годов памятник на Яме был сооружён на средства, собранные евреями Минска.

Создатели сохранили огромную яму, глубиной 5 метров; по каменной лестнице спускаешься на небольшую площадку, в центре которой – скромная чёрная стела на широком постаменте. Сверху памятник кажется совсем маленьким. А вблизи видишь на нём выбитые золотом слова памяти и скорби на русском языке и на идиш: ***«Светлая память на вечные времена пяти тысячам евреев, погибшим от рук лютых врагов человечества — немецко-фашистских злодеев 2 марта 1942 года».*** Это был первый памятник жертвам Холокоста в СССР, на котором было разрешено сделать надпись на идиш. А в верхней части сияет золотая звезда Давида.

Мемориал «Яма», возведённый на улице Мельникайте в **Минске** и посвящённый жертвам **Холокоста**

Создал памятник известный в Минске мастер-камнетёс Мордух Спришен. Из надгробья со старого кладбища он создал мраморный обелиск. Надпись на идиш сочинил поэт Хаим Мальтинский. Воин, орденоседец, инвалид, он взялся согласовывать надпись на памятнике в Главлите. Цензор разрешения не давал. Инвалид от усталости и боли (он пешком поднялся на 6-й этаж), возмущения и безнадёжности что-то изменить, в сердцах сказал цензору: «У меня там лежат мать, жена и семилетний сын...». Цензор, видимо, ещё не совсем потерявший совесть, подписал разрешение. После установки, несмотря на заслуги, создатели памятника были наказаны советской властью. Мальтинского приговорили к 10 годам лагерей за попытку «продать» американцам Дальний Восток

Белорусы не знали и не хотели знать о существовании в Минске этого знака скорби, сюда не водили

иностранные делегации, не приходили на экскурсии школьники и студенты, а евреям не разрешали здесь собираться.

И новый акт вандализма – приказ засыпать яму и перенести памятник в Малый Тростенец, а здесь построить новый жилой район

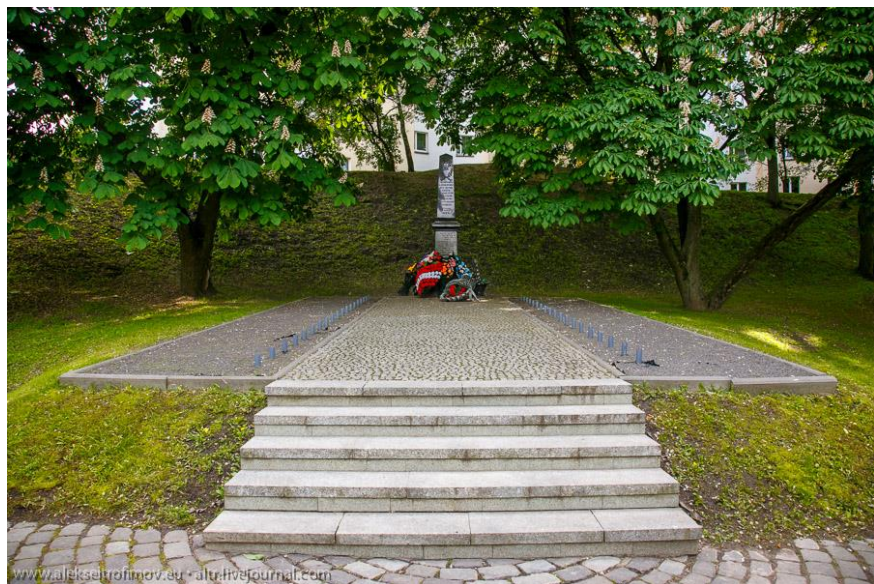
Вся еврейская общественность воспротивилась этому новому акту антисемитизма. Евреи перестали бояться и 9 Мая, в День Победы, приходили сюда семьями, здесь собиралась еврейская молодёжь. Отсюда уходили минчане перед отъездом в Израиль

Яма. 50-е годы прошлого века

А вокруг Ямы росли высотные здания, душили её, подходили к самому обрыву. Борьба продолжалась – всё же снести памятник власти побоялись. Приходящих сюда 9-го Мая людей с раннего утра ждали милицейские машины с громкоговорителями. Не было слышно ораторов – кругом гремели победные весёлые песни. И негде было собираться людям...

Изменились времена. Построили дорожку, ведущую к памятнику, здесь стало чисто, лежат цветы, приезжают евреи из разных стран, приходят с запоздалыми извинениями белорусские интеллигенты, приезжают из разных мест Европы добрые люди, чтобы что-то разузнать о погибших в Минске земляках, борцы за то, чтобы такое больше никогда не повторилось...

Первый обелиск памяти, установленный в Яме

Мемориальная композиция «Последний путь»

Памятник у входа в мемориал «Яма»

В 2000 году установлена **бронзовая** скульптурная композиция «Последний путь», расположенная вдоль ступенек, ведущих к центру мемориала, и представляющая собой группу обречённых мучеников, спускающихся на дно ямы. Памятник создавался в течение 8 лет. Архитектор — **Л. Левин**. Скульпторы — **А. Финский**, Э. Полок.

При выполнении работ по реконструкции мемориала не применялись машины и механизмы — все работы выполнялись вручную, в том числе и устройство фундамента скульптуры. Раскопки не проводили, не хотели тревожить прах невинных жертв.

Дорога в гетто

Перец Маркиш

Пустая колыбель. Подсвечник без свечи.
Надгробье...

Да имён на нём затёрты строчки.
Открыта настежь дверь. Хозяев не ищи.
Можно зайти и взять всё,
что захочешь...

Как поминальная свеча,
звезда одна горит.
В углу вот вещмешок,
В нём скарб нехитрый очень.
Для дальнего пути
Костыль в углу стоит.
Можно зайти и взять всё,
Что захочешь...

И несмолкаем гул. И бесконечен путь.
И слёзы безысходности туманят очи.
И не объять всю боль, всей жизни жуть.
А дверь открыта – можно взять всё,
что захочешь...

Идёт седой старик. А рядом – внук его.
Идут мужчины... Женщины...
И днём, и ночью.
И это – это всё... Нет больше ни-че-го.
А дверь открыта – можно взять всё,
Что захочешь...

Перевод С. Зингер

Встреча после войны

В 1949 году Наум снова приехал в Минск и нашёл Тосю, вслед за ней – Иру, нашлись Соня и Галя... и потянулась цепочка: каждый раз узнавали о ком-то другом. Вскоре Наум разыскал Лёню и Мишу и укреплял прерванные войной связи. Пионеры из «Крапивки» все торжества проводили вместе, они не переставали рассказывать своим близким о своих спасителях вожатых – смелых, добрых, человеческих, бескорыстных людях.

Встреча в Минске
слева направо – Ира, Аня, Наум, Таня, Берта

Наступил 1979 год, приближалась 35-я годовщина освобождения Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков. Наум решил отметить эту дату в «Крапивке», собрав вместе пионеров 1941-го и 1979-го годов. Эта идея всем понравилась, и участники приступили к её осуществлению.

Снова, как когда-то, было лето, июнь, Крапивка. Пионеры 1941 года были уже взрослые, семейные люди, инженеры, врачи, экономисты. Были в Крапивку приглашены и гости, среди них была и я.

Наша делегация ехала из Минска и сошла на станции Бобруйск. И вдруг Соня Консисторум закричала: «Наш генерал идёт!» Нам навстречу шёл Наум Подерский, несмотря на жару, в полной парадной форме, при орденах и медалях, с внуком на руках, рядом с ним шла его жена Таня. Объятия, поцелуи, рукопожатия...

Нас ждал автобус. Уже знакомая дорога. Позади остались Бобруйск, река Березина, Титовка... и вот уже поворот на Крапивку...

У шоссе стояли дети в парадной пионерской форме.

Гости вышли из автобуса, и звонкий голос отрапортовал: «Пионеры 1979 года приветствуют пионеров 1941 года. Наш лагерь «Космос» – ваш дом. Для нас встреча с вами – самый большой праздник. Добро пожаловать!».

– Вольно! – скомандовал подполковник и поблагодарил детей.

А потом была встреча со всеми пионерами лагеря «Космос», как теперь называлась наша «Крапивка»: вынесли на линейку и возложили огромный венок в память о погибших в 1941-1945 гг. детях – на воле, в гетто и концлагерях, в тылу, от голода, холода и болезней.

Ирина, Соня, Аня и все приехавшие пионеры 1941 года выпустили красочную газету – написали стихи, воспоминания. Они рассказали детям лагеря «Космос» о своих вожатых, которые спасли им жизнь, вывели из этих мест, где через шесть дней после начала войны были немцы... Говорили об интернационализме, порядочности,

доброте. И их слова находили отклик в сердцах слушателей.

Воспоминания Сони Консistorум (Бекер): *«Наши дорогие вожатые вывезли нас в безопасное место, определили в детские дома, а сами ушли на фронт.*

Те добрые традиции дружбы, сплочённости, доброжелательности, любви и уважения друг к другу, которые заложили в нас здесь, в этом месте, в дорогой нашей «Крапивке», которую мы пронесли через все годы нашей жизни. Нас разбросало в разные концы страны и в разные страны, но мы разыскивали друг друга и дружим уже семьями.

Нашей заветной мечтой было желание собраться здесь, где мы познали много горя, мы вновь возвратились в места своего детства, свою родную «Крапивку».

С нами сегодня приехали наши дети, которым мы рассказывали о «Крапивке», мы хотели им привить чувства любви, дружбы, уважения друг к другу, заложенные в нас в этих дорогих местах...

Пора заканчивать повесть, и всё же хочется привести письмо Гали Консistorум к Науму. Это одно из многих писем благодарности спасителю и другу: *«Села писать тебе и мысленно пережила 22 июня 1941 года... К тебе приедут твои пионеры 1941 года, жаль, что не весь отряд, но то звено, которое приедет на этот юбилей, с гордостью может отдать рапорт своему пионервожатому и доложить, что все честно прожили свою жизнь и воспитали уже второе поколение. Если сумеешь, свози их в «Крапивку», разложи костёр и вспомни 22 июня 1941 года, открытие лагеря и нас, поющих «Если завтра война...».*

Дорогой, помнишь, как ты, шестнадцатилетний, повёл отряд из лагеря и никого не растерял?

Помнишь, как ты из училища ехал к нам в мороз, и у тебя на подножке сорвали шапку... и когда ты приехал, мы все тёрли тебе уши и пальцы рук?..

А помнишь, когда ты приезжал, малыши тебе жаловались на свои беды и ты срочно принимал меры? Это вы, большие ребята убрали заведующую детдомом за то, что она продавала наш хлеб...

А помнишь, как вы снимали заборы, чтоб протопить и просушить обувь у малышей?..

Дорогой, помнишь, как мы дружны были, наверное, родные так близки не были?..

А помнишь, когда тебя отправляли на фронт и ты ехал через Кзыл-Орду, ты разыскал нас и подарил нам портянки, наверное, тогда ты ноги натёр?.. подарил нам мыло, хлеб и арбуз... Мы бежали с Соней за поездом, а он неумолимо быстро увозил тебя к фронту...

Галя.

Зачитала своё стихотворение Ирина:

Спасителю, дорогому другу

*В разлуке были, смерть видали,
Привыкли к скрипу костылей,
Свой дом своей рукой сжигали,
В последний путь несли друзей.*

*Того, с кем путь наш честно прожит,
Согнуть труднее, чем сломать,
Чем, в самом деле, жизнь вас может
Вас, всё выдавших, испугать?*

*И если нет других путей,
Мы сами вновь пойдём в сраженья,
Но ваших судеб повторенья
Не будет в судьбах сыновей!*

«Пушкин» - Ирина

Дочь Наума – Ирина, её муж – Владимир Туркин.
Ирина – преподаватель английского языка,
Владимир – математик-программист.

Как и родители, они жили, учились и работали в Бобруйске. В годы перестройки стали активными членами Бобруйского клуба еврейской культуры. Они занимались отправкой «детей Чернобыля» на лечение в Израиль. Отец был их советчиком и помощником. Наум принимал у себя в доме евреев, приезжавших в Бобруйск из Израиля, Америки, Канады, Бельгии...

Ирина и Владимир думали о репатриации в Израиль, но последнее слово было за отцом...

Нелегко было отказаться от родного города, друзей, всей своей предыдущей жизни. Он понимал, что ехать нужно только в Израиль. Окончательное решение принял лишь после того, как в Москве, в Доме Литераторов, был устроен антисемитский шабаш, и там прозвучали слова: «Сегодня мы пришли с мандатом, а завтра – с автоматом». И это не получило соответствующей оценки на государственном уровне.

Вспоминает Наум:

– Стало ещё яснее, что мы, евреи, в этой стране чужие... Ещё с момента возникновения Государства Израиль во мне проснулись еврейские гены, всё, что касалось Израиля, было до боли близким и родным. Чувство, что есть еврейское государство, наполняло

жизнь другим содержанием. Вспоминалась моя фронтовая фотография, на которой была надпись для родителей:

«При встрече с моими родными передайте эту фотокарточку и скажите, что их сын честно защищал свою родину под Сталинградом... Клянусь вам, дорогие, отомстить за горе и страдания еврейского народа, за родную Беларусь, за Бобруйск.

Сталинград, 10.VIII.1943г.»

К сожалению, эта фотография не попала по назначению.

Наум продолжал:

– Я понял, что наше место только в Израиле. Хотелось помочь строить и защищать его. И для этого я решил повезти туда своих внуков как вклад в будущее государства».

В августе 1990 года приехал в страну с семьёй дочери и поселился в мошаве Регба скромный трудолюбивый человек, в прошлом танкист, подполковник в отставке, инвалид Великой отечественной войны Наум Подерский.

Праздник в доме Наума. Крайняя справа – автор этой книги Берта Файнштейн.
Израиль. Мошав Регба

Наум с женой Ниной, с которой прожил 14 счастливых лет в Израиле. 2004 год

Наум, Ниночка и Ирочка Шульман-Родштейн.

Израиль. 2004 год

Уже будучи пенсионером, он работал на мебельной фабрике «Регба». Живя в семье дочери, воспитывал внуков Женю и Сашу, а в свободное время много ездил по стране, изучая свою древнюю и прекрасную родину. Много времени посвящал перечитыванию стихов любимых поэтов Бориса Слуцкого, Анны Ахматовой, Осипа Мандельштама. К ним добавились новые, дотоле неизвестные имена... Анна Сэгеш, Бялик, Рахель...

К бывшему водителю «Крапивки», в Регбу, шли письма из России, Америки, Канады, Австралии...

Вот только не успел Наум отметить свой прекрасный юбилей – 90-летие и 70 лет Победы. Не стало Наума 18 февраля 2015 года.

В День Победы, 9 мая, спасённые им в грозное военное время собираются в его доме в мошаве, чтобы почтить память дорогого и любимого человека.

Приносят цветы и свечи к прекрасному памятнику, где есть имена родных Наума и одна на всех дата смерти 1941 год. Наум навсегда останется в сердцах тех, кого он спас, и тех, кто узнал о его великом Подвиге!

Светлая память тебе, наш дорогой Наум

В 1950 году, когда Наум приехал в Минск и серьёзно взялся за розыск спасённых им детей, ему удалось найти всего 12 человек; остальных не досчитались: холера, чума, голод, болезни, другие горести войны унесли жизни около ста юных минчан.

С этими дорогими людьми была налажена крепкая связь, взаимопомощь; они стали единой семьёй на долгие годы. Это уже были закалённые войной и трудностями жизни люди с высшим образованием, хорошими профессиями, семейные. Они помнили, ценили и были безгранично благодарны своим дорогим спасителям – всё у них было общее, и радость и горе...

Наум никогда не терял связь со своими «крапивками», живущими в Белоруссии, Америке, везде...

Мы познакомились более 50 лет тому назад. Подтянутый, красивый подполковник встретил меня, как старую знакомую. Я его – как настоящего Героя.

Наум, узнав, что я всерьёз занялась «Крапивкой», много помогал мне в сборе материала.

Наша дружба продолжалась не только в Белоруссии, но и в Израиле. Нас объединяли общие друзья и общие интересы. Я приезжала в цветущий мошав Регбу, Наум бывал у нас в Нетании. Наум был талантлив во всём: идеальный порядок был и на фабрике, где он работал, а в доме, где он жил, гостей всегда ждало замечательное угощение, несравнимое ни с каким рестораном. В его личной библиотеке стояли томики любимых им поэтов, в том числе самые современные.

Нас объединяли и любовь к Израилю, и любовь к людям и желание им помогать. Свои поздравления ко мне он подписывал «Друг навсегда», и это для меня было наивысшей похвалой.

С нежностью храню стихотворение Наума, посвящённое моему юбилею.

С Юбилеем, Берта!

*Облетают года, точно листья шурша,
Часто кажется – холодом веет.
Но когда молодой остаётся душа,
То и женщина не постареет.*

*Озорную мы искру заметим в глазах,
И лукавство сквозь строгость пробьётся.
Вы о многом сегодня могли б рассказать,
И что скрыть, безусловно, найдётся!*

*Тост поднимем за ваше терпенье,
За венок ежедневных забот,
За прекрасные жизни мгновенья
И за счастье, что вас ещё ждёт!*

*Годы – словно седая корона,
Вас венчает в большой юбилей.
Но не стоит глядеть утомлённо
И сгибаться под тяжестью дней.*

*Улыбнитесь светло и спокойно –
Нет, о прошлом не стоит жалеть.
Тот, кто жизнь свою прожил достойно,
Тот сумеет красиво стареть.*

*Прочь прогоним сомнение и скуку,
Ваша жизнь – как дворец или храм.
А сейчас королевскую руку
Поднести мне позвольте к губам...*

Наум – друг навсегда

18.07.2003 г.

Регба

Наум Подерский, Леонид Замжицкий

Но время неумолимо:

Ушли из жизни вожатые...

Из 12 «крапивок» в живых остались только 4:

Тося Лиштван (живёт в Минске),

Аня Минкова (живёт в Америке),

Люся Павлович (живёт в Минске),

Ира Шульман-Родштейн (живёт в Израиле).

Пришла из Америки печальная весть – умерла одна из «крапивок» – Соня Консистерум (Бекер), пионерка старшего поколения, помощница наших вожатых, замечательный тёплый, гостеприимный Человек. Пусть земля ей будет пухом.

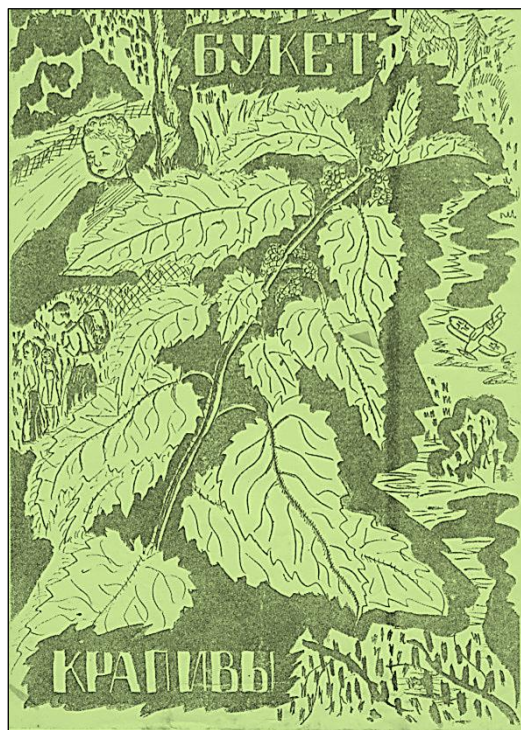
Заключение

Моя повесть – одна из множества настоящих непридуманных историй, которыми очень богата многострадальная судьба нашего народа в годы Второй

мировой войны 1939-1945 гг. Она призывает читателя вообразить и поставить взрослых людей на место малолетних сирот, в один миг потерявших родителей и родной дом, ставших активными участниками борьбы с фашизмом за своё выживание, за беззаветную и преданную дружбу в мире ненависти, предательства и зверства. Таково было знакомство с жизнью в 7-12 лет детей из Минска.

А вожатые-комсомольцы, тоже ещё почти дети 15-16 лет – спасли и заменили им семью и родных

Так ещё одна героическая страница вплетена в Книгу мужества нашего славного еврейского народа.

Девочка из гетто

Повесть

***Посвящается моим детям,
внукам и правнукам***

Правнуки Маккавеев не являются трусами

И.Эренбург

Холокост – это не смерть на войне с оружием в руках, смерть людей, которые оставили где-то дом, семью, пашины, песни, книги, традиции и историю.

Это гибель корней, а не только веток и листьев. Это убийство души и тела народа. Это уничтожение нации!

***Вас. Гроссман
«Украина без евреев»***

«Нет слов, чтобы описать то, что было».
Эли Визель

Воспоминания о моём детстве

С детства и по сей день я с любовью вспоминаю свой родной город на Украине, на Подолье – Могилёв-Подольский и реку Днестр, на которой он стоит.

Сколько разных событий, важных для меня, моих родных, моего народа связаны с этим городом и этой прекрасной рекой...

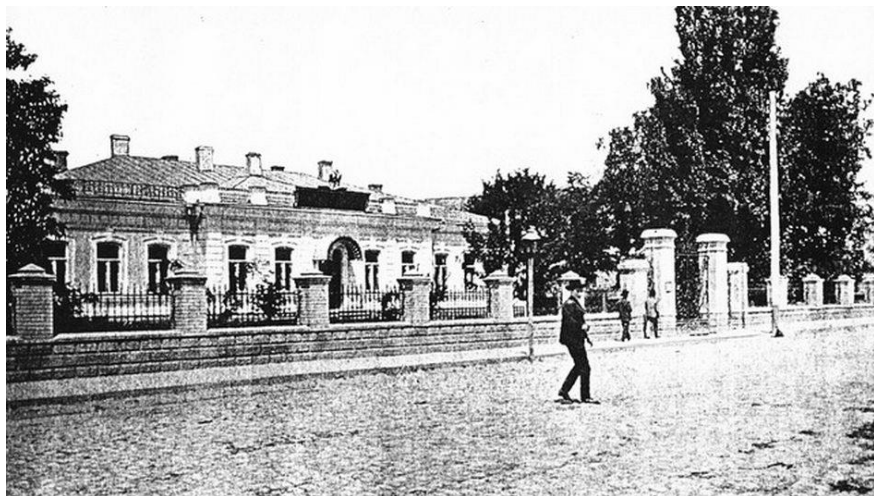
А это и корни, и детство, и юность, проведённая в гетто... и многое другое...

Тёплый климат, горы, усыпанные весной и летом цветами, родные, друзья, учителя, отчий дом...

Корни

Мои предки – дети и труженики черты оседлости. Центром мест их обитания был старинный украинский город - Могилёв-Подольский.

Первые данные о поселении на месте Могилёва-Подольского относятся к 1450 г. Город был основан 24 августа 1595 года польским шляхтичем Иеремией Могилой, который построил на этом месте замок и позже подарил окрестные земли своему зятю, Стефану Потоцкому. В память о тесте Стефан Потоцкий назвал город Могилёвом. Город находится в глубокой чаше – долине среди гор по обе стороны прекрасного Днестра. Здесь проходил по Днестру путь из Малороссии в Молдову и Румынию.

Могилёв-Подольский. Казённое еврейское училище

Прекрасная природа, благодатный край, удачное расположение – всё способствовало быстрому развитию

города. А вокруг, как ожерелье, росли украинские сёла и еврейские местечки. По другую сторону Днестра было еврейское местечко Атаки, о котором я буду часто вспоминать.

Мои далёкие предки были родом из этих мест. Трудлюбивые верующие многодетные семьи передавали в наследство своим детям заповеди Торы, свои таланты, доброе еврейское сердце, неизбывную еврейскую веру в светлое будущее. Такими я знала и любила своих предков. Из поколения в поколение передавались рассказы об их добрых делах и их жизни.

Чудом уцелевшая фотография из далёкого прошлого:
Сидят: прадед Гирш, прабабушка Бася Кац (на руках –
моя мама Маня), дедушка Мордхе; Стоят: бабушка Хана
и её сестра Циля

Мои бабушка Анюта и дедушка Герман Гройсманы были родителями моего отца. Бабушка Анюта родилась в древнем городе Хотин, в Бессарабии, в семье известного врача Самуила Колпакчи, доброго, талантливого человека, чей дом стоял на горке и был всегда открытым для всех.

Его любимая дочь, моя будущая бабушка, была красивой, доброй и умной женщиной. Она стала матерью моего отца Бориса. В семье было четверо детей.

Дедушка Герман (Гирш) был родом из старинного румынского города Галаца – порта в устье Дуная. Дед был очень образованным интеллигентным человеком, знал десять иностранных языков.

Мне два годика

Я родилась 18 июля 1928 г. в Могилёве-Подольском и была первой дочкой и первой внучкой в семье. Вся родня выбирала мне имя, и решили назвать в честь моей прабабушки Баси Кац – праведницы, красавицы, умницы. Дедушка Герман предложил дать имя более европейское

– Берта. Все звали меня Базей, а Бертой я стала уже взрослой – Бертой Борисовной.

Сельцеры: бабушка Хана и дедушка Мордхе – родители моей мамы.

Бабушка Хана родилась в местечке Озаринцы, стоявшем на правом берегу речки Немийки. Первое упоминание о местечке относится к 1431 году.

В июле 1941 Озаринцы заняли немецкие и румынские войска. 19 июля 1941 было убито 43 еврея, 26 июля 1941 – 28 евреев.

28 августа 1941 года в синагоге были сожжены заживо 86 евреев.

В Озаринцах было создано гетто, в котором в ноябре 1941г., кроме местных жителей, содержалось около двух тысяч евреев из Бессарабии и Буковины. Большинство евреев гетто умерло от голода и болезней. На 1 сентября 1943 г. в Озаринцах находилось всего 40 евреев из Бессарабии и 47 – из Буковины. 17 марта 1944 г., перед отступлением фашистских войск, в Озаринцах была убита еще одна группа евреев.

После освобождения часть евреев вернулась в Озаринцы. В 1944-45 гг. в местечке Озаринцы работала школа с преподаванием на идише.

В 1970 г. в Озаринцах проживало 5 евреев. На 2012 г. евреев в бывшем местечке нет...

Бабушка Хана была женщина простая, очень религиозная, честная, преданная, аккуратная, отличная хозяйка. Она умела читать на языке идиш. Сколько я её помню, она читала одну и ту же книгу – Тору.

Она была настоящей красавицей: высокая, стройная, сероглазая, с длинной пепельной косой. Я в детстве была её помощницей, а она – моей учительницей языка идиш.

Бабушка Хана за чтением Торы

Я очень полюбила «мамэ-лошн». Благодаря ей я хорошо знаю этот язык. А в Израиле он мне очень помог в общении с местными евреями, дружбе с ними.

Дедушка Мордхе родился в селе Кричановка, что в 15 километрах от Могилёва-Подольского. Он получил прекрасное еврейское и светское образование. Стройный, красивый, умный, он очень любил свою семью, детей и внуков. У него было много друзей. Служил он у помещика Потоцкого – арендовал мельницу и управлял его хозяйством.

Мельница Потоцкого в Винницкой области

Там же, в Кричановке, родилась моя мама. Для нашей семьи после смерти отца дедушка Мордхе стал нашим вторым отцом.

Советская власть сделала его «лишенцем», хотели сослать в Сибирь, однако не сослали, но лишили права работать в государственных учреждениях, а детям был закрыт путь в высшие учебные заведения.

С большой любовью и благодарностью пишу о моей маме Мане. Родилась она в 1905 году в селе Кричановка в семье арендатора мельницы у графа Потоцкого Мордхе и Ханы Сельцер. Красивая, умная, очень способная, но с очень нелёгкой судьбой. Высшее образование она не имела права получить как «дочь лишенца». Вся жизнь её – это труд во имя содержания больного мужа и детей.

Свадебная фотография моих родителей

Моя мама Маня

Папа Борис

Умерла моя мама 13 марта 1981 года в Минске, где и похоронена.

Моя девичья фамилия Гройсман. Мой папочка – Борис Германович Гройсман родился в Могилёве-Подольском в семье служащего и домохозяйки. Их корни из Румынии и Бессарабии.

О папе вспоминали в городе как о красавце, умнице, добряке.

Он родился в 1905 году. На редкость талантливый человек, пел, играл на музыкальных инструментах. Был он служащим в банке.

Сколько его помню, он был весёлый и добрый, но с очень грустными глазами. Он часто болел – больницы, санатории, врачи. Умер он рано, в 1938 году в Пироговской больнице города Винницы.

Когда сообщили из Винницы, что папа умер, сразу же дедушка Мордхе, дядя Филя и мама на грузовике помчались в больницу. Что там было, как забирали покойного, не знаю. В больнице не оформили этот факт, никаких документов не выдали. Мне тогда было десять лет.

В 1990 году мои дети и я собирались уехать в Израиль. По закону советской власти мне, уже пожилой женщине, надо было представить справку, что я не бросаю здесь отца. Трудно передать, сколько раз я ездила в Винницу, и никто помочь мне не мог и не хотел. Помогли доллары...

Мой брат Семён моложе меня на три с половиной года. Всё, что я рассказывала о нашей жизни, пережил и он. В годы войны активно помогал людям и семье, несмотря на возраст.

Наша семья. 30-е годы XX века

В 1943 году в гетто бухарестские евреи организовали приют для осиротевших еврейских мальчиков. Это был ужас, т.к. деньги, которые они присылали, пропадали, а дети голодали, болели, умирали – немцы брали их на свои медицинские эксперименты.

Наша мама, понимая обстановку, решила спасти хотя бы его и отдала в этот приют. Для него это была травма на всю жизнь.

Когда детей собирались вывозить, никто не знал куда, он ночью сумел сбежать и благодаря этому спасся.

Сейчас он с семьёй живёт в Израиле.

Моё счастливое детство

Мы жили в хорошем доме с большим старым садом и огородом, а под ним протекала тёплая чистая, вечно бурлящая речушка Дырло, приток Днестра. В ней мои

друзья и я мокли всё лето. У нас была преданная няня, любимые родственники. В школу я пошла в «нулевой» класс, мне было хорошо и радостно. В мой день рождения, самый жаркий день июля, 18 числа, обязательно был проливной дождь, после которого оставались замечательные лужи, из которых меня вытаскивали, купали и представляли друзьям.

Моё детство омрачала лишь постоянная болезнь папы. Ему поставили неправильный диагноз, неправильно лечили, и 28 апреля 1938 года он умер. Его хоронил и оплакивал весь город. Ему было всего 33 года, и в 10 лет я на всю жизнь осталась без папы.

Муж моей тёти, Эдуард Титович Островский, добрейший и умнейший человек, очень любил нас с братом и в день похорон папы сказал моей маме: «Твои дети – мои дети, пока я жив, я позабочусь о них».

А 1 июня 1938 года его, директора МТС, арестовали и впоследствии расстреляли... Мы потеряли ещё одного дорогого человека... Тётю Инду выгнали из государственной квартиры с ребёнком, лежавшим в гипсе, и не разрешили в школе принимать экзамен по русской литературе. Это всё было на моих глазах, т.к. я с бабушкой гостила в Куриловцах.

Наше горе было велико. Нам помогали, любили, жалели... А наша мама с утра до вечера трудилась на двух работах...

Безмятежное детство моё и моих сверстников прервала война...

Рушилось всё совершенство мира – началась война. Много причин было для того, чтобы попытка эвакуироваться из города не удалась. Я об этом много раз

уже писала, а сейчас я представляю один из моих очерков «Боже, спаси!» (Боровка).

Боже, спаси! (Боровка)

*Посвящается Фишелю Сельцеру,
моему любимому дяде*

Единственное, над чем не властно время – память.

Подвода тяжело поднималась на Шаргородскую гору – мы покидали родной Могилёв-Подольский.

Ждали Фишеля, брата мамы, он служил совсем рядом, в знаменитом подземном городе в селе Серебряя под Могилёв-Подольским, но, видимо, ушёл с отступающими войсками.

Мы – это бабушка Хана, дедушка Мордхе, мама Маня, няня Фросына, братик Сёма и я. Едем вместе с сослуживцами мамы. Держим путь на Винницу, чтобы взять с собой в эвакуацию тётю Риву с детьми.

Уже после войны дядя рассказал, почему он не заехал за нами. В его части было много солдат, мобилизованных из соседних сёл. Когда начали бомбить город, почти все эти молодые украинцы, забрав оружие, обмундирование и прихватив, что сумели, удрали в свои сёла. Дядю послали с документами части, и он покинул свою часть.

Миновали еврейское кладбище, где с 1938 года покоился прах моего отца Бори Гройсмана. Поднялись на самый верх горы: прощай, Могилёв...

На шоссе вереницы машин, телег; гул самолётов, колонны уходящих от бомбёжек людей, стрельба, паника – война!

Проезжавшая военная машина прижала маме ногу, крики... Эта же машина увозит маму в госпиталь в Черневцы.

Мы стоим расстроенные, напуганные, что будет дальше?! Нас бомбят...

Ночью попадаем в Черневцы. В доме у тёти Фуги, нашей родственницы, застаём маму. Она, слава Богу, с нами, но нога болит, ходить не может. Бессонная ночь, разговоры...

Эта рана впоследствии стала причиной тяжёлой болезни и смерти в 1981 году.

А наутро – в путь. Проезжаем местечки, где евреи гудят, как потревоженный улей – паника!

Я никогда раньше не бывала в местечках...

Джурин... Здесь живут родственники бабушки Ханы по фамилии Клопоух: все высокие, статные, русоволосые, светлоглазые; они были колхозниками, говорили на идиш и украинском. Встретились с ними, чтобы больше их не увидеть – все они погибли от рук фашистов.

Въезжаем в Тульчин, небольшой городок, на улицах ни души, на многих дверях свежей краской намалёваны кресты, ставни на окнах закрыты...

Мы и наши попутчики временно разместились в доме родственников. Они все эвакуировались, осталась лишь племянница бабушки с семьёй. Двор был большой, внутри стояло три дома, большие сараи, конюшни, места всем хватило.

Ночью немцы заняли город без единого выстрела. А рано утром они уже въезжали в наш двор с ранеными, медперсоналом и полевой кухней.

– Кто говорит по-немецки? – прокричал немецкий офицер. К нему подошла учительница из Могилёва, Рива Гольденберг. Ей сообщили, что у нас в доме будет лазарет, а взрослые будут в нём работать.

Мы были счастливы, что уже есть раненые немцы...

Наше существование с немцами было терпимым, т.к. это были медики, целый день занятые больными. Мы понимали, что это временное затишье перед бурей – в пути мы встречались с беженцами из разных мест и слышали, что немцы творили с евреями в Польше, в Румынии и других странах.

Наши женщины целый день трудились в лазарете и за это получали по кастрюле супа на семью, а с продуктами в Тульчине было очень плохо. Мы никуда не выходили. Среди немецких врачей выделялся один, который с интересом беседовал с дедушкой Мордхе; беседы велись на смеси немецкого и идиш.

Среди всех нас, евреев, была одна украинка, старая больная женщина, прожившая с нами много лет, наша няня Фросына; она захотела разделить нашу судьбу.

Мы жили, как страусы, которые прятали головы, не представляя себе, что нас ждёт, что делать дальше.

По ночам в Тульчин пробирались евреи, убежавшие от погромов, учинённых в их местечках украинцами, и прятались среди нас.

В одну из ночей нас разбудил немецкий доктор – знакомый дедушки. Он сказал дедушке Мордхе, что наутро в Тульчин прибывают эсэсовцы, они сгоняют евреев в гетто и лагеря и там их уничтожают. «Вам нужно

немедленно возвращаться в Могилёв, он отошёл к румынам, а они, возможно, не будут истреблять евреев». Доктор вручил дедушке документ, в котором якобы комендант Тульчина просил оказать нам содействие в пути до Могилёва. (Эту справку он сделал сам и поставил свою печать). В справке значилось, что мы работали в немецком лазарете и возвращаемся домой в Могилёв-Подольский.

Ночью подводы двинулись в обратный путь. Медленно ехали просёлочными дорогами, прислушиваясь к каждому звуку, проклиная луну, которая ярко светила, а вокруг была чарующая украинская ночь, пьянящие запахи степи, пряный аромат диких трав. При малейшем шорохе останавливались, прятались в высоких зарослях подсолнухов и кукурузы и снова, крадучись, отправлялись в путь.

И вот снова Джурин... Местечко вымерло после погрома. Подъехали к дому Клопухов – ни одной живой души, лишь осевший пух из разорванных перин и подушек. Ужас охватил нас... И опять дорога, стук колёс болью отдавался в голове.

На нашем пути было местечко Боровка. (Объехать его мы никак не могли). На дороге ночью нас остановил украинец и умолял вернуться: «У Борівці погром!» Как выяснилось впоследствии, в этот день (это было 10 августа 1941 года) в местечке был погром, евреев перестреляли сами украинцы – новоявленные полицаи: пресытившись видом крови, разворовав всё еврейское добро, после страшной попойки они еле держались на ногах. По улицам сновало много женщин и детей, они тащили мебель, утварь, вещи, словом «жидівське добро».

И тут им выпала «конфетка» – три еврейских подводы, а на них – узлы с добром и живые евреи.

А на улицах валялись ещё не убранные трупы убитых жителей местечка.

Ясно было, что наша участь решена. Лошадей под узцы повели на площадь пьяные полицей, а мы шли пешком за своими телегами... На площади нас построили и объявили, что мы враги Германского государства и поэтому будем расстреляны. Нам велели молиться и прощаться...

Мне было 13 лет. Ужас от всего происходящего вызвал у меня шок. Я не сводила глаз с мамы, бабушки, я чувствовала, что теряю сознание. Бабушка шептала молитвы, все были рядом, собрались в тесную группу, обнимали друг друга. Я тоже поняла, что нужно просить Бога о спасении, но я, пионерка, не знала ни одной молитвы на идиш и только твердила: «Готыню, ельф унз (Боже, помоги нам), Готыню... Готыню...».

И вдруг кто-то из толпы заметил нашу Фросыну в белом по-крестьянски завязанном платочке.

– Ты жидівка? – спросил её полицей.

– Ні, я украинка.

– Що ты тут робишь с жидами?

– Це моя родина, – ответила Фросына и встала перед мамой, чтобы закрыть её от пуль своим маленьким тщедушным тельцем. Мама обняла нас (меня с братом). Стояла мёртвая тишина... Мы даже не плакали. Палачи проверяли свои ружья. Нас повели к каменному забору, окружавшему село, чтобы перестрелять, как кур...

Всю эту сцену наблюдал из своего окна немец-комендант. Он вышел на крыльцо дома, явно

недовольный чрезмерным рвением пьяных полицейских, имевших омерзительный вид...

И вдруг к нему подбежала Рива Абрамовна Гольденберг и протянула ему справку, полученную от «Тульчинского коменданта». Немец прочитал её и сказал Риве: «Поезжайте домой!», позвал полицейских и приказал им не трогать нас. Потом он вернулся в дом.

Пьяная банда полицейских туго соображала, что приказал комендант, но лошадей отдала и с криком, бранью и матом гнала нас бегом до самого шляха.

Прошло немало времени, пока мы в зарослях нашли своих коней, которые дико ржали, напуганные выстрелами. Но Бог нам помог! На этот раз...

Стоя у стены, я видела перед собой вроде бы нормальных людей, вчерашних советских граждан, комсомольцев, учителей, колхозников... и ни одного сочувствующего взгляда!!! Смотрели прямо в глаза – и как это было интересно!

И как это было бесчеловечно!!!

Наконец мы вернулись в родной Могилёв-Подольский. Трудно передать состояние людей, взрослых и детей, переживших такие страшные потрясения и оставшихся в живых, в предрассветный час стоявших на Шаргородской горе. Август месяц, восходит солнце, внизу видна полоска Днестра, Атакская гора, покрытая зеленью, и маленькие домики нашего родного города.

Мы стояли, прижавшись друг к другу, и смеялись, и плакали. Мы не знали, что нас ждёт, но понимали, что ничего хорошего не будет, т.к. ужасные когти войны уже вонзились в нашу жизнь...

Куда ехать? Подводы медленно спускались с очень крутой горы. Дедушка сказал: «На Виноградную»...

Мы стоим у дома № 11, приветливо лает большая собака, узнав хозяев... Что нас ждёт?!!

Хозяйка дома, где очень много лет снимали маленькую квартирку дедушка и бабушка, Ирина оказалась приличным человеком и сохранила весь скарб, который оставили старики. Её сын Борис, вор и бандит, был освобождён немцами из тюрьмы и находился дома, потом он сыграет свою роль в нашей жизни.

А наутро мы с мамой и Фросыной, нашей няней, побежали на нашу квартиру на улице Красноармейская, 54. Дом стоял на месте, деревья в саду были полны фруктов; двери в нашу квартиру были распахнуты настежь, всё из неё было вынесено до нитки, только на полу валялись наши фотографии и какие-то бумаги.

Увидев нас, наши соседи-поляки выскочили из дома, а девочка – моя ровесница прибежала в моей зимней шапочке... На их объяснения, что, мол, соседи всё разграбили, нам не нужно было ничего говорить... Они торопили нас поскорее уйти, т.к. здесь будут жить немцы, и они могут вскоре прийти... А ведь всем этим женщинам с детьми моя мама всегда помогала ...

Опустив головы, подобрав с пола дорогие фотографии, мы ушли из дома, где много лет жила наша семья... И всё же мы зашли в сад, посмотрели на речку нашего детства – Дырло, приток Днестра, и, оглядываясь по сторонам, поспешили на Виноградную...

Мы встретились с бабушкой и дедушкой Гройсманами, с тётей Ханкой, женой Фили, и её маленькой доченькой Маечкой, моими подружками, друзьями мамы и дедушки, теми немногими, кто не успел уехать.

По-разному вели себя неевреи, об этом особый разговор. Тяжело стало с продуктами, вот тогда и проявили себя настоящие люди. У дедушки Мордхе, который родился и вырос и долго жил в селе Кричановке, там родилась и моя мамочка Маня, было много хороших друзей, вот они-то и понимали, что нам нужно помочь и, как могли, помогали. Мы продавали кое-какие вещи и так жили.

В местечках нашего района начались погромы, немцев в Могилёве было немного, командовали, в основном, румыны и украинцы. Прибегали евреи, спасшиеся из Яруги, Бара и других местечек.

У мамы была приятельница, портниха, полька Мария Ивановна. Она очень нам помогала, особенно, когда ожидалась погромы. Она прятала нас у себя в доме, а жила она на Виноградской улице, напротив нашего дома.

Сентябрь. В этом году было сильное наводнение, на Карпатах быстро растаял снег, но главное — шли проливные дожди, переполнившие Днестр, и он затопил нижнюю часть города. Были разломаны почти все деревянные дома, глубокий ил, грязь, мусор, всякие наносы заполнили сильно пострадавшие улицы. Люди потеряли жильё и убегали наверх. Это были не только местные евреи, но и пытавшиеся спастись у нас евреи, угнанные из Бессарабии и Буковины.

И вот в этом уже непригодном для жилья месте местные украинцы посоветовали румынам и немцам создать гетто.

Бессарабские и буковинские евреи стали предметом мести румын. О том, как они себя проявили в первые же дни войны, написано уже много. Но я напишу лишь то, что видела, с чем столкнулась, что запомнила...

Атаки — это местечко, расположенное на противоположном берегу Днестра, напротив Могилёва в предгорье Карпат; улочки бугристые и пологие, кривые маленькие деревянные домишки, бедное население.

Это местечко стало перевалочным пунктом для переправки людей на Украину, т.к. здесь ещё оставался большой старый деревянный мост через Днестр. Железнодорожный мост был уже взорван.

Не могу не вспомнить и не описать вопиющий случай из времён лета 1941-го года.

На Атакском берегу, против города Могилёва остановили группу бессарабских евреев на ночь передохнуть, чтобы с рассветом дальше гнать на работы и просто на смерть.

Среди людей на берегу своим видом и одеянием выделялась группа раввинов. Был день «Рош а-ходеш» — начало очередного еврейского месяца, когда принято молиться и благословлять новый месяц. С появлением на небе молодого месяца они собрались все вместе и начали читать свои молитвы и благословления.

А в это время охрана — румынские офицеры и солдаты пьянствовали невдалеке в кабачке. Их кони были привязаны возле него.

Вдруг один из румынских офицеров, наблюдавший за молитвой, решил устроить себе развлечение. Он велел всем раввинам спуститься в реку и продолжать молитву. Не имея другого выхода, они пошли, взявшись за руки, и слова, обращённые к Богу, были всё громче, всё слышнее. Вдрызг пьяные румыны высыпали на берег с винтовками наперевес. А «затейник» гнал молящихся всё дальше, всё глубже.

Молодой месяц на небе становился всё ярче, словно стараясь заставить фашистских ублюдков увидеть всю мерзость их преступных деяний и прекратить их. Но вошедшие в раж палачи не унимались.

Раввины в воде уже по плечи, по горло, а изувер под дикое улюлюканье подобных себе мерзавцев требует от обречённых идти вперёд.

Не имеющие ни малейшей возможности предотвратить трагедию, ошеломлённые происходящим, оставшиеся на берегу евреи горько рыдали и просили Бога наказать извергов.

И вдруг в тот момент, когда Днестр полностью накрыл обречённых своими тёплыми волнами и угасли звуки молитвы, невесть откуда взявшиеся тучи закрыли всё небо, скрылся молодой месяц. Погасли все звёзды на небе. Стало совсем темно, ни зги не видать. Мгновенно прекрасная августовская теплынь сменилась на ураганный ветер, оглушительный гром, ослепительные молнии и сильнейший ливень.

За омерзительной экзекуцией одобрительно наблюдал браво сидящий на коне румынский высший офицер – «колонель». И вдруг, испугавшись начавшейся бури, конь понёс своего всадника, и их вместе наутро обнаружили мёртвыми. А евреев из Буковины и Бессарабии всё гнали и гнали. Среди тех, кто чудом остался в Могилёве, были врачи, артисты, инженеры; молодые и старые, богатые и бедные. Они все, как правило, были религиозные. От них я узнала об их довоенной жизни, о том, как советская власть массово ссылала их в Сибирь, считая «врагами народа», какие издевательства им пришлось перенести, когда их, словно овец на заклание, гнали в гетто, в частности о том, как

ради забавы румынские солдаты загнали их на мост и около двадцати мужчин утопили в реке. Невзирая на ужаснейшие условия и строжайшие запреты на всё, верующие узники продолжали по мере возможности соблюдать и пропагандировать еврейские традиции и идеи сионизма среди окружающих. Меня поразило, что находясь в условиях, в которых выжить можно было лишь чудом, почти все они мечтали в случае благоприятного исхода перебраться в Палестину.

Вот тогда я сказала себе: если выживу, то уеду в Израиль. С тех пор я стала интересоваться еврейскими традициями... И когда много лет спустя у меня родился сын, я с большими трудностями нашла моэля, чтобы он сделал сынишке обрезание.

Когда мы вернулись из Тульчина, то увидели в родном городе измученных дорогой, унижениями, голодом и жаждой людей, лежащих прямо на улицах, на шоссе, на тротуарах; наша маленькая речушка Дырло была облеплена людьми, которые пили воду, мылись и охлаждались. Все улицы и переулки были заполнены людьми, которых румыны на лошадях выгоняли на главную городскую магистраль – улицу Ленина – для отправки дальше. Те, у кого были родственники в Могилёве, или были деньги, прятались по дворам; кругом валялись вещи, баулы, корзины. Был очень жаркий август, и на улицах были даже мертвецы.

Мы с братом Сёмой на следующий день после возвращения домой выходили на улицу с вёдрами и кружками и поили людей, которые лежали на улицах. Но вот последовала команда румынского офицера, и эти несчастные стали подниматься в гору, чтобы не попасть

под удары плёток сопровождавших их солдат. А украинцы наблюдали эту картину, и цель у них была одна – ухватить что-нибудь из вещей, которые люди бросали прямо на дорогу!

Мы часто бывали у бабушки Анюты и дедушки Германа, которые жили по улице Ермана в большом многоквартирном доме, находившимся как раз напротив моста, по которому гнали несчастных. У них была одна комната, большая кухня и балкон, который выходил во двор; из окон было видно, как мост и берега были густо усеяны людьми. Страшно было смотреть на этот ужас...

Нашими кормильцами были дедушка и бабушка, кое-что из продуктов у них было припасено и хранилось в большом сарае, бывшем в их распоряжении.

После всего пережитого в эвакуации мама часто и довольно серьёзно болела, и мы с братом активно включились в помощь семье. На Пушкинской улице, очень длинной и широкой, стояли огромные хранилища, доверху наполненные зерном, фасолью, чечевицей, лынтой и другими бобовыми – всем тем, что по договору шло из СССР в Германию. Этих запасов было так много, что люди города и окрестных сёл ещё долгое время, примерно с полгода, питались этими продуктами.

И вот я и брат и другие люди и дети ежедневно по несколько раз ходили на вокзал и приносили домой кое-что, что удавалось взять и донести. Кроме того в складах были остатки кукурузной муки, что тоже помогало выживать. Мы все искали себе заработок, чтоб всем вместе выжить и не голодать...

Я продавала хлеб, который пекла родственница, т.е. разносила по адресам, вязала носки, перчатки и прочее. Мама шила. Мы пока, до образования гетто, жили в том

же домике по улице Виноградской. Казалось, что наша квартира надёжнее других, Борька-вор болел, мама его лечила, и он нас не трогал.

Евреи из Буковины на переправе в Транснистрию
около местечка Атаки

Август 1941 г. Каждый день казался годом. Вокруг в местечках немцы уничтожали евреев, а в Могилёв их не пускали хитрые румыны – весь месяц гнали и гнали несчастных бессарабцев и буковинцев, а местных использовали для восстановления завода, строительства дорог, гнали на уборку урожая с колхозных полей (а урожай был в тот год удивительный).

И всё же немцы назначили день расправы с евреями. По городу ходили немцы, распространялись слухи о

погроме. Был сентябрь 1941 года... «Никто не знает, что может быть завтра???» – как писал поэт.

А назавтра могилевчане увидели то, что бывало часто в нашем городе – наводнение, да какое! В Карпатах прошли ливневые дожди, на Днестре взорвали перемычку – дамбу. Увидев наводнение, немцы бежали в белье, теряя оружие в смертельном страхе – им было пока не до евреев...

А в сентябре на местах где свирепствовало наводнение, создали наше гетто... Вокруг гетто построили кирпичную разделительную стену. Ряды колючих заборов «украсили» наш родной город... У ворот гетто дежурили полицаи-украинцы, вчерашние комсомольцы.

Транснистрия

«Боль нашей памяти»

(раввин Юлиус Фишер)

Транснистрия – забытое еврейское кладбище, исторический призрак. В еврейскую историю он вписан кровью, слезами, унижением, истреблением. Символ геноцида.

Транснистрия – это земля между Днестром и Бугом со столицей в Одессе, где только в ней было уничтожено 20 тысяч евреев. Транснистрия покрылась густой сетью лагерей и гетто. Из Транснистрии было депортировано 155 тысяч евреев, 90 тысяч из них погибли.

У некоторых людей есть неправильное мнение, что румыны лучше немцев. Это не так. Они использовали все

методы издевательства над евреями, позаимствованные у немцев и гениально придумали свои

Румынские солдаты депортируют евреев из Кишинёва в
Приднестровье, где были организованы
гетто и концлагеря

Местечко Озаринцы. Здесь установлен один из
красивейших и трагических мемориалов на Украине.
Чёрный гранит, а на нём человеческая фигура рвётся из
колючих пут... и выбитые навек имена озаринчан,
замученных и загубленных:

провизор Лев Берг
главбух колхоза Арон Вайншток
старик Ицик Фукс...

Много имён на стеле...

Что же тут придумали румыны перед казнью!?

Отрезали бороды у стариков!

Выкалывали глаза!

Затем загнали в синагогу... И подожгли...

Озаринцы – это родное местечко моей бабушки Ханы.

О событиях в гетто города Рыбницы рассказал мне Аркадий Купершток, репатриант из Молдавии, из города Рыбницы.

В гетто этого городка румыны и немцы вдоволь поиздевались над евреями.

Был среди земляков и раввин Хаим Занвул, праведник, умница, добряк, готовый всем помочь. Он лечил детей, помогал в розыске пропавших, хорошо знал жизнь земляков. Он сообщал людям только хорошие вести

Война, гетто. В городе убит известный немецкий генерал. Идёт расследование. Его проводят немцы и румыны, помогает им православный священник.

Румыны используют своё новое «изобретение» – еврейских мужчин раздевают догола и в мороз раздают для «сугрева» газеты... Раввин Хаим был ещё и «моржом» – очищался в любое время года в Днестре.

– Кто убил немецкого генерала? – обращается к дрожащим от ужаса и мороза голым мужчинам ведущий следствие немецкий офицер.

Никто из евреев его действительно не убивал.

– Кто? – повторил следователь.

И тут вперёд вышел раввин Хаим...

Православный священник содрогнулся от ужаса, т.к. он хорошо знал раввина. Священник подбежал к офицеру:

– С головы этого человека не должен упасть ни один волос: он напрямую связан с Богом!!!

Следователь рассмеялся, вынул из кобуры револьвер и вытянул руку для выстрела – и тут его как молнией

ударило – рука повисла, парализованная, и он упал. Евреи разбежались, их спас раввин Хаим Занвул.

Зима 1942 года. Старожилы не помнят таких морозов, метелей... Одноэтажные домики на нашей улице почти не видны – занесены снегом.

У нас очень болен дедушка Мордхе – сыпной тиф, высокое давление... Мама тоже больна. Мне 14 лет.

. Около дедушки сидит его брат Аврум. На голове у больного пузырь со льдом... К утру дедушка тихо умер... Аврум кладёт пузырь на всё лицо и показывает мне – молчать. Пусть женщины ещё чуть поспят...

На рассвете меня снаряжают в путь, завязывают во все платки – я иду сообщить Гройсманам о нашей горе. Они живут далеко. Тропинка вьётся между сугробами... Я иду. Вокруг ни души... И вдруг вдалеке появляется фигурка, мы приближаемся друг к другу, узнаём друг друга !!! Это моя бабушка Аня! В такую рань! У меня мелькает мысль: «Как она узнала?»

Я кричу: «Дедушка ночью умер!...»

Она кричит: «Дедушка ночью умер!...»

Я: «Откуда ты знаешь?»

Она: «Откуда ты знаешь?»

Мы бросаемся друг другу в объятия. И выясняем, что в одну и ту же ночь, 22 февраля 1942 года, умерли оба моих дедушки. От тяжёлой непосильной работы и от тифа.

Пропускаю все трагические подробности, каждый может себе всё представить...

Пасмурно. Безлюдно. К нашему дому подъезжает погребальная повозка. Рядом с извозчиком сидит наша

больная мама. Она уладила все необходимые формальности для обоих дедушек...

На повозке лежат женщины и мужчины, почти неприкрытые, еле живая подходит бабушка Анюта.

На улице по-прежнему безлюдно Мы (это бабушка Анюта, мой брат Сёма, ему 11 лет, мама и я), взявшись за руки, идём за повозкой. Это вся похоронная процессия. Дошли до Шаргородского моста, мама села рядом с возницей. Мы, оставшиеся внизу, провожали их взглядом, пока они медленно по скользкой дороге поднимались на высокую гору, на еврейское кладбище...

А через Днестр гнали и гнали евреев из Бессарабии и Буковины. С сентября 1941 по февраль 1942 более 55.000 евреев прошли через наш город.

В старом разрушенном здании в Могилёве устроили перевалочный пункт.

Ещё в Атаках с людей снимали верхнюю одежду и отбирали все вещи. Тех, кто пытался бежать, травили собаками, сбрасывали с моста в Днестр.

Ещё до Атак людей встречали мародёры, чтобы забрать багаж, били по пальцам палками, резали бритвами... В казарме на головах выбривали кресты, чтобы не убегали. Людей не кормили

Румыны развлекались. На плац выносили стол, и капрал резал хлеб на глазах у не евреев несколько дней людей. Очередь, люди видят заветный ломтик хлеба, намазанный повидлом... И вдруг капрал подбрасывает поднос с хлебом, и «деликатес» падает на землю – толкотня, драка, а жандармы хохочут, улюлюкают.

Но это только акт первый. Через несколько минут «счастливчики» падают на землю и, корчась от боли,

умирают. Хохот ещё громче, ещё веселее. Хлеб был посыпан каустической содой!!!

Декабрь. Морозы... Новое изобретение румын – «дезинфекция» на свежем воздухе. Голых людей поливают ледяной водой...

В казарме началась эпидемия сыпного тифа. Больных расстреливают на краю оврага.

Хватит! Лагерь закрыт. Умники боятся за свои сатанинские жизни.

Лученецкое гетто

Суровая зима 1942 года закончилась. Похоронили дедушек, болеет мама. Бабушка в семье за главную, мы с братом – «добытчики».

В гетто облавы, грабежи, убийства, насилия. Очередная эпидемия сыпного тифа. Врачи пытаются бороться с болезнью и помогать землякам...

Лагерьм «Печора», «Ананьев» и другим нужны жертвы.

А в гетто «кипит жизнь» – хоронят умерших от тифа, голода и холода одиноких людей. Но узники гетто живут надеждой – скоро вернутся наши и успеют нас спасти...

Уже март 1942 года. Ночь. Стук в дверь.

– Кто?

Голос Аврума: – Ночью будет облава – «Ананьев», вы в списке. Собирайтесь. Я за Анютой. Отвезу вас в Лученец. Там пока тихо... К Пуделям.

Лученец – маленькое очень древнее еврейское местечко. В центре – огромная базарная площадь, а вокруг неё карликовые, выросшие в землю домишки. И лишь в одном месте стоял высокий дом с балконами –

дом Пуделей. Хозяева, Анюта и Моисей, – удивительные люди, спасшие сотни бессарабских евреев.

Нас обнимают и ведут в дом. О, Боже! Все комнаты, коридоры, балконы заполнены спящими на полу людьми. Нас устраивают среди них. Мы спасены!!! Мы счастливы. Боже, спасибо! Золотые Анюта и Моисей – ваши добрые дела сохраняются в памяти всех спасённых вами людей, и мы среди них!!! Спасибо!

Жизнь нужно продолжать и на новом месте. Какие здесь люди! Румыны выбросили на свалку своей ненависти цвет своих сограждан. Это были артисты, врачи, учёные, ремесленники, художники... И все они голодают, болеют, страдают и в результате погибают.

И нам нужно думать о куске хлеба. Вяжем, шьём, лечим... А бабушка Анюта научилась варить хозяйственное мыло. Я ей помогаю – продаю на рынке. Не умрём с голода.

Но нужно возвращаться домой... в Могилёв. Хозяйка в дом нас непустила. Скитаемся по гетто. Всё ещё холодно, опасно. И в это время Бог послал нам добрейшего человека по фамилии Гейзель (дедушка известных сейчас в Израиле людей: один из них музыкант, а другой – математик и общественный деятель, Зеэв Гейзель). Он впустил нас в маленькую пристройку, установил нам лежаки, дал нам временное убежище, и тем спас нас от холода...

Жизнь в гетто

Вернувшись домой, мы начали разыскивать родных, знакомых, друзей. Сколько осталось!

Каждый день был, как год, – мы узнавали изнанку прежней жизни: жестокость, ненависть, бесчеловечность, подбострастие вчерашних комсомольцев перед врагами, ненависть к своей стране!!! А когда было создано гетто, укоренился безумный страх за жизнь родных... Акции, облавы, угон людей, расстрелы.

Мне было 14 лет, но я чувствовала себя старухой... Трудно просчитать четыре года таких страшных дней...

Но жизнь дарила нам и надежду на спасение, встречи с дорогими друзьями, учителями, новыми людьми – а иногда тихие вечера, без света, располагали к воспоминаниям, откровенным разговорам, ведь мы не знали «что день грядущий нам готовит».

Редкий снимок: молодёжь гетто

Мы постоянно видели пример взрослых, их добро, щедрость, истинное еврейское милосердие. Громко звучал идиш... Старшее поколение открыто вернулось к Богу

Мои подруги превратились в красивых девушек, симпатии, влюблённости, свидания очень украшали ад нашей жизни. А девочки из нашей школы, украинки, польки, красиво разодетые, «шпацировали» под ручку с полицаями, немцами, румынами.

Наша задача было в том, чтобы беречь родных, помогать им и другим людям. И выжить назло нашим врагам!

Девочка из гетто

*Вот девочка еврейская из гетто.
Вела дорога только в никуда.
Ждала лишь смерть – и не было просвета.
Стучала в сердце страшная беда.*

*Все ужасы фашистского уклада,
Всесилие губительного зла...
Помог Всевышний. Вырвалась из ада.
А что потом? Она росла, росла...*

*У девочки потом была учёба.
Был брак счастливый – гомон детворы...
Всегда в ней человечность высшей пробы
Живёт с той незапамятной поры!*

*Не потому ли девочка из гетто
В кругу друзей душевна и мудра?
Не потому ль в глазах так много света,
Любви и бескорыстного добра?*

*Живёт в ней неуёмная натура.
Она с огромным стажем педагог.
Её конёк: стихи, литература.
Они близки ей очень – видит Бог!*

*Она душа любого коллектива.
К ней тянутся коллеги и друзья.
В делах активна и жизнелюбива.
У девочки – счастливая семья!!*

*Я слышу позывные юбилея.
У девочки в Израиле яркий след.
Здоровья! И живёт пусть, не боля,
Ещё на свете много-много лет!*

Борис Брусиловский

19 июля 2008 г.

Печора

Это было, было... Забыть это невозможно...

Печора. Дворец Потоцких

Всё, что выпало на нашу долю во время войны, описать невозможно, но и умолчать об этом нельзя.

Дети, это рассказ о вашем отце, Нюше Файнштейне. Его семья в начале войны оказалась в местечке Лученец. Мама и дети не смогли эвакуироваться по целому ряду причин: старики-родители, больной парализованный сын Миля, маленькая Ева. Все они ютились в Лученце.

Отец отправился в эвакуацию, сопровождая эшелон с заводским имуществом.

Среди бессарабских евреев были и сёстры мамы Эти с семьями, и они добрались до местечка.

Нюше, сыну Эти, было тогда 14 лет. Он был высоким красивым юношей и казался старше своих лет.

Гетто... Очередной погром, и его уводят. Ни документы, ни «бакшиш» не помогли... Группу лученецких собирали ночью, не разрешив взять вещи. Их направляли в лагерь смерти Печору, находившийся в бывшем санатории на реке Южный Буг. Евреи называли его «Мёртвая петля». Охрану несли румынские солдаты. Прекрасное здание было обнесено колючей проволокой... Помещения санатория переполнены несчастными людьми – ни условий, ни еды, поэтому лученецких разместили не в закрытых помещениях, а в холодном недостроенном сарае – без полов, окон и дверей.

Румыны ввели новшество под названием «голодная диета». В лагере не расстреливали, не сжигали в печах – люди там умирали от голода и тяжёлой работы – в зимний холод они строили шоссейную дорогу; их просто не кормили!!! Ежедневно умирали от 40 до 60 человек. Таким образом освобождались помещения для следующих партий «отдыхающих», которые регулярно прибывали каждые 2-3 недели из Молдавии, Польши,

Западной Европы и Украины. Вновь прибывающих встречали с музыкой: скрипки, трубы, барабаны...

Люди жили и умирали в зависимости от того, что имели или не имели для обмена на какую-то еду.

Наезжали немцы и отбирали «свеженьких» для строительных работ. Из европейцев никто не выживал: непривычные условия, отсутствие еды, языка и многое другое...

И вот новые – колонна в 200 человек из гетто Лученца, под конвоем украинских полицаев, немцев с собаками, румынских солдат двинулась в долгий пеший путь по дорогам, покрытым льдом и снегом. Отстающих расстреливали. Шли долго, прибыли к вечеру, измученные, замёрзшие, голодные, потерявшие многих, шедших рядом. Но их встретили, как положено, с музыкой... и отправили в сарай...

Нюша попал на очень тяжёлую работу; он был плохо одет, быстро пообносился, особенно обувь. На одной ноге – старый ботинок, на другой – галоша, а сверху – тряпье и газеты... Он был одинок, и ни на кого надеяться не мог...

В Печоре вместе с Нюшей работал немолодой мужчина из наших мест. Он до акции потерял семью – их убили немцы, а его погнали в «Печору». Ни имени его, ни фамилии мы не знаем. Но он решил сам бежать и спасти жизнь подростку, который мужественно изо всех сил боролся за свою жизнь, понимая, как он нужен дома, быть рядом с мамой, помогать ей...

Он был всё ещё ребёнок. Голод, холод, тяжёлый физический труд ему было всё труднее преодолевать. Он угасал... О побеге не думал – лагерь хорошо охраняли. Но Бог послал ему спасителя, и он начал готовить его к побегу. Ждали удобного случая во время работы. И

случай подвернулся. До Могилёва было всего 20 километров, но как их преодолеть?!

По ночам тайно они пробирались домой

Наша семья Сельцеров к тому времени, узнав о готовящейся акции, ушла из Лученца в Могилёв. Когда мы жили у Гейзеля, я заболела, и мы ушли от них.

Нас приютила семья Мальцер, но жить нам было негде, ночью мы спали на полу в кухне, а с 5 часов утра там пекли хлеб на продажу, и мы сидели в коридоре или в сарае. Бабушку Анюту забрал в Шаргород дядя Изя, её сын.

Никто в гетто не знал, где мы живём. Тогда же я второй раз заболела брюшным тифом. Мамочка меня выхаживала «диетой» из картофельных очисток, которые собирали для нас соседи-украинцы. А лежала я в сарае.

Выздоровев, однажды утром во дворе я, отправляясь на свою работу – разносить хлеб, – увидела странную фигуру: даже в гетто никто так не выглядел - подросток, одетый в невероятное количество разноцветных тряпок, на одной ноге – ботинок, перевязанный верёвкой, а на другой – галоша, надетая на газетные портянки. Но страшнее всего было его лицо – чёрно-красного цвета от струпьев...

В таком виде он ходил по улочкам гетто и спрашивал у людей, где живут Сельцеры, то есть мы... и кто-то ему случайно подсказал.

– Здесь живут Сельцеры? – спросил он у меня.

Я, испугавшись его вида, закричала: «Здесь!» и громко позвала – «Люди!».

Все наши выскочили на крыльцо. Я Нюшу видела в Лученце, но сейчас его не узнала, а дядя Аврум – узнал. Немедленно он попросил соседского мальчика пойти в

Лученец и сказать Эте, что Ньюша жив. А наши женщины стали приводить гостя в чувство — голодный, с обмороженными руками и ногами, с покрытым струпьями лицом, с телом, на котором гнездились миллионы вшей... Глядя на него, трудно было поверить, что человек не создан из железа. Помытый и переодетый, накормленный, опухший, но счастливый, что вырвался из «Мёртвой петли», через два дня он отправился пешком домой. Была уже весна... Он шёл, оглядывался и махал нам руками, а мы смотрели ему вслед и плакали...

Опускаю много подробностей... Когда закончилась война и началась мирная послевоенная жизнь, Ньюша иногда приезжал в Могилёв и посещал нас. Но тогда никто не подозревал, что ждёт нас в будущем — счастливая семейная жизнь, наши замечательные дети, внуки и правнуки, которых Ньюше не суждено было дожждаться. Светлая память о Ньюше навсегда сохранится в памяти всех нас — членов его семьи.

Печора. Памятник жертвам Катастрофы

Окончилась война. Семья Файнштейн снова в своём доме в Вендичанах.

Шестнадцатилетний Ньюша серьёзно берётся за учёбу: отличник в школе, два красных диплома – в техникуме и институте, и результат – инженер-механик.

Молодой инженер-механик А это наша молодая семья

Я стала его женой. Мы успешно работали в Белоруссии, в городах Быхов, Минск. Выросли дети (сын и дочь). Любимая работа, авторитет, друзья... И вдруг – 5 июля 1986 года скоропостижная смерть от инфаркта... Это было эхо той ужасной войны – Лученецкого гетто и концлагеря «Печора».

5 июля 2016 года исполнилось 30 лет со дня смерти нашего любимого человека. Его помнят и семья, и друзья, и сослуживцы.

Вот одно из полученных нами писем:

«День светлой памяти Николая Борисовича.
Вспомним!

30 лет тому назад осиротела семья и верные друзья.

Ушёл из жизни редкой души человек. Много лет мы питались его добротой, находились в его окружении, пользуясь его умом, юмором, знаниями...

Вспомним сегодня о нём:

*Давайте соберёмся у стола,
Не для того, чтоб зелье нас пьянило,
А для того, чтоб дружба сохранила себя,
Какой она была...
И с нами те, чья песня не допета...
Они живут, пока мы помним это,
Покуда наша боль за них светла...
Вечная память!»*

С уважением: Ира Шульман (Израиль),
Лиза Ботвинник (США)

Освобождение

Уже несколько дней не слышны выстрелы у моста, где дрались между собой отступающие немцы и румыны.

Говорят, что в городе появились партизаны...

Мы сидим в бывшей квартире нашего дедушки (убежали из сарая), и вдруг слышим – проснулся громкоговоритель, и зазвучал незабываемый голос Левитана: «освобождён город Могилёв-Подольский на Днестре...»

Мы приоткрываем дверь и видим: к нам бегут советские солдаты, и первый кричит: «Что, вас ещё не всех поубивали?!!»

Не о таких словах я мечтала, когда вернутся наши, но... невозможно передать, что было с нами!!!

В памяти сохранилась такая картина: стайка моих сверстников и я бежим к Днестру, четыре года мы там не были... На протяжении всей улицы валяются остатки искорёженной техники, немецкие трупы, некоторые из них укутаны в тряпье... А внизу наш любимый Днестр! Яркое холодное мартовское солнце освещает невиданную картину: на белом фоне замёрзшей реки выделяются серые пятна, которые красиво расположил какой-то небесный художник – это трупы наших врагов!!!

Евреев, чудом выживших в этом аду, в нашем городе было немного.

Душу любимого города исковеркало гетто.

Исчезли родные и близкие, престарелые дедушки и бабушки, целые семьи, и не было возможности узнать, где их могилы, чтобы пролить на них слёзы...

Мы смело перескакивали через валяющиеся у моста трупы... Мы обнимались, ликовали, забыли, что были голодные и униженные... Нас ждала новая победная весна 1944 года. Этот день, 19 марта 1944 года был днём надежды на лучшую жизнь.

День нашего освобождения.

С каждым днём после освобождения появилась возможность увидеть, кого не досчитались. Список жертв был неисчислимым...

Некуда нам было возвращаться: квартира занята, имущество разграблено. Свободно ходила по городу вся антисемитская муть, но счастье освобождения окрыляло, вера в светлое будущее крепла.

И снова немцы...

После 19 марта 1944 года – дня разрыва 4-летнего страшного прошлого жизнь начала меняться: мы получили комнату, маму прооперировали, она устроилась на работу, мы с братом вернулись в школу и навёрстывали упущенное. Возвращались родные, друзья.

Мама вышла замуж, наш отчим Арон Наумович Хольберг служил в Германии и вызвал нас туда. Мне было 16 лет. И снова увидеть немцев и услышать их речь, жить с ними рядом вызывало у меня резкий протест, но...

Январь 1946 года. Мы ехали в Германию, видя по дороге ужасы чудовищной войны. Киев – Минск – Варшава – Берлин... Об этом я расскажу отдельно. Услышав мужскую немецкую речь, я вздрагивала, пугалась...

Ни хорошие условия жизни, ни прекрасные учителя, ни красота музеев – ничто не могло заглушить боль, обиды, унижения, пережитые в гетто.

Нас ежедневно в школе обучали немецкому языку, возили на интереснейшие экскурсии. Мы были в центре исторических событий XX века – Берлин – Потсдам – Карлсхорст.

Разрушенный Берлин, поверженный Рейхстаг – здесь в эти дни решались судьбы человечества... А мы были рядом...

Мудрый средневековый еврейский поэт-философ Иехуда Альхаризи писал:

3 дня у человека есть:

Вчера – прошло и нет следа;

Сегодня убегает, как вода;

А завтра не узнать нам ни – ког – да!

Мы ничего не знали, что нас ждёт, но очень верили, что новая жизнь, неожиданные повороты судьбы и даже Израиль...

Май 1946 года: экскурсия нашего класса в Берлин к Рейхстагу. Её ведёт наш классный руководитель Герой Советского Союза Александр Сергеев.

Над зданием развевается советский флаг, флаг Победы!!! Толпы народа у стен: репортёры, военные, туристы... Солнечный весенний победный ветерок освежает нас... Я горда и счастлива!

Берлин. Праздник Победы 9 мая 1946 года у Рейхстага

Рассказ нашего учителя потрясает нас Мы смотрим на развалины грандиозного здания, на стенах мы видим фамилии на разных языках!!!

– А теперь, ребята, поставим и мы наши подписи.

И я с гордостью пишу свою еврейскую фамилию на
стене поверженного Рейхстага

Мы с братом в Германии

Наша семья в Германии

Золотой души человек

Очерк

***«Умершим считается лишь тот,
кто остаётся забытым»***

(Мудрое изречение)

В канун светлого праздника Суккот возле красивой синагоги, построенной выходцами из бессарабского местечка Новоселица, в Рамат-ха-Шароне остановились женщины; их привела сюда Этя Мейлихзон.

Вокруг шумел предпраздничный город, а здесь было тихо и уютно, красиво и торжественно...

Женщины направились в глубь двора и остановились у монумента. Сюда они приехали, чтобы склонить головы в память о погибших от рук румынских жандармов

юношей, расстрелянных в июле 1941 года в городе Новоселица.

«Как жаль, что об этом памятнике и об этом месте в Рамат-ха-Шароне знают немногие люди, особенно молодёжь», — сказала одна из женщин.

Весь памятник сделан из белого камня, а вокруг него высоко в небо поднимаются зелёные свечи кипарисов. Много цветов в вазах; кусты разноцветных роз оттеняют белизну монумента. Фонари и прожектора освещают его в вечернее время...

Центральная часть памятника — высокая стела, на которой на иврите высечены навечно 37 имён и фамилий. А под ними строка из Торы, и слова скорби той, которая, единственная, чудом осталась в живых, и подпись: Этя Мейлихзон.

Монумент памяти а Рамат-ха-Шароне

Камень для стелы Этя привезла из Хеврона, хотя ездить туда уже было опасно; сама была автором проекта; сама оплатила строительство. Она вложила в это дело своей жизни – в земной символ памяти о погибших земляках и соратниках – всю свою боль, любовь, память, желание, чтобы обелиск стоял прочно, долго и у каждого подходящего к нему человека вызывал желание прийти сюда ещё и ещё... и привести с собой своих детей, и рассказать им об этих людях...

Рядом со стелой расположена высокая плита, а на ней большое дерево – извечный еврейский символ несправедливо прерванной молодой жизни. Дерево «срубили», когда оно было полно жизненных сил, и в нём бурлили животворные соки... На стволе ни одной веточки, ни одного листика: не дали ему расти и плодоносить – срубили и выбросили из леса...

Автор проекта верит в доброту и память людскую – и её символизирует камень в виде высокого куба, в который вмонтирована чаша для «Вечного огня», который зажигается в день расстрела 37 новосельчан. У подножия монумента стоит большая белая ваза с надписью: «Новоселица».

Вечный огонь у монумента

Вокруг памятника сооружены серые каменные сидения для взрослых и детей. Здесь чисто, ухожено, всегда политы цветы. Об этом постоянно заботится Этя. В дар своим новосельчанам она пристроила к синагоге хозяйственную часть.

Но вернёмся к людям и событиям, история которых отражена в белом монументе в тихом уголке у синагоги. Этя Мейлихзон со своими родными жила в Новоселице, в большом еврейском местечке, где евреев насчитывалось одиннадцать тысяч. А сколько было в нём людей, прославивших свои «штэтл»! А молодёжь какая!

Фрагменты старой синагоги в Новоселице

Стремившаяся познать всё: учиться, работать, бороться за политические права евреев, влюбляться, повидать большой мир...

После 1918 года молодые евреи уезжали из Новоселицы в Америку, Палестину, Европу; некоторые нелегально переходили Днестр, чтобы оказаться в

Советской России. Положение евреев в Румынии становилось всё хуже, средства информации обвиняли их во всех румынских бедах.

Присоединение Бессарабии к Советскому Союзу в 1940 году евреи Новоселицы встретили с радостью, не подозревая, что несёт им Советская власть...

В июле 1941 года немецко-румынские войска вступили в Новоселицу.

Этя Мейлихзон была активным человеком, и её в местечке знали как члена одной из молодёжных организаций.

Румыны начали свою «деятельность» в Новоселице с еврейского погрома: (900 человек были убиты); сожгли полместечка и приступили к арестам оставшихся в живых. Была арестована группа молодёжи – 39 человек – по обвинению в принадлежности к коммунистам: 37 юношей и две девушки. Этя Мейлихзон была одной из них. Все были приговорены к расстрелу.

Вечером, накануне расправы, по неизвестным причинам один из румынских жандармов, охранявших арестованных, отпустил девушек, крикнув им вдогонку: «Всё равно подохнете!» А наутро 37 еврейских юношей были зверски уничтожены...

Вместе со своими родными и с другими жителями осиротевшего местечка Этя была угнана по направлению к Днестру, в будущую Транснистрию.

Дальше начинается совершенно фантастический период её жизни: семь раз ей угрожал расстрел, много бед и потерь она перенесла, много добрых дел совершила, много стран повидала, много трудилась, стала обеспеченным человеком. Но это темы будущих рассказов.

Жизнь распорядилась так, что встретились два единомышленника, праведника, любившие, уважавшие друг друга во всех праведных и добрых делах. Они стали мужем и женой. Этя и Мигуэль Мейлихзон нелёгким трудом стали богатыми людьми. Большая часть их сбережений была отдана для благородных целей в любимом ими Израиле, куда они приехали из Венесуэлы в 1981 году.

Прошло много лет после гибели 37 юношей в Новоселице, но ни на минуту Этя не забывала о своих расстрелянных друзьях и дала себе клятву увековечить память тех, чью судьбу только по велению Всевышнего она не разделила сама.

Торжественное открытие монумента состоялось в 1986 году. Этя с болью в сердце на идиш рассказала о каждом из 37:

«Единственной виной этих людей было то, что они родились евреями...»

Этот памятник должен не только напоминать грядущим поколениям имена жертв, но также свидетельствовать о том, что наш еврейский народ имеет свои глубокие корни здесь, в Израиле, и эти корни никому не удастся выкорчевать».

Раввин Цви Шехтер прочитал «Кадиш».

Родственники погибших возложили к подножию монумента 37 роз.

Ежегодно в день расстрела 37-и новосельчан собираются их родные и земляки, чтобы почтить память погибших и с благодарностью обращают свои взоры на элегантную женщину с умными глазами, доброй

праведной душой, их землячку, Этю Мейлихзон, которую они глубоко уважают и чтут.

На открытии памятника Этя рассказывает о своих
погибших друзьях

В год пятидесятилетия государства Израиль Эте Мейлихзон исполнилось 85 лет. До 120!

Применительно к Эте очень уместны слова французского писателя Андре Моруа: «Старость – дурная привычка, для которой у активных людей нет времени».

Этя Мейлихзон поставила памятник любимым друзьям молодости, шедшими на расстрел с высоко поднятой головой и молитвой на устах...

Они не забыты, юноши, убитые в грозном огне Катастрофы.

К ним приходят.
Значит, они живы!

Мне повезло, я познакомилась с Этей Мейлихзон, когда она отметила своё 85-летие. Но и в этом возрасте она неутомимо шла по славной дороге добрых дел.

Берта Файнштейн (слева) и Этя Мейлихзон

Этя Мейлихзон родилась незадолго до революции в семье состоятельных, даже богатых людей. Но именно это и стало на долгие годы причиной её нравственных и физических мучений.

Советская власть, как известно, нетерпимо относилась к богатым людям. В городах их называли буржуями, в сёлах – кулаками, и никого не интересовало, что это за люди, каков их душевный склад и жизненные устремления. На всех навешивали один ярлык – «эксплуататоры». А дальше – кого по миру, кого в Сибирь, а кого и к стенке...

До полного разорения довела советская власть и семью Мейлихзонов.

Они бежали из родного Могилёв-Подольского и с большим трудом добрались до Бессарабии. Но ни счастья, ни просто спокойной, обеспеченной жизни они там не нашли. А с началом Второй мировой войны пришли в этот край горе, разруха, страдания тысяч людей, массовые уничтожения людей. И больше всего досталось еврейскому народу.

Расстрел 37 друзей-соратников по молодёжной организации «Ха-Шомер ха-цаир»; четыре года мук и страданий в румынском лагере-гетто в Балановке; потеря всех родных. Семь раз за эти годы храбрая девушка чудом избегала расстрела. И если всем смертям назло выжила, то можно сказать: её спасла Высшая небесная сила, ибо были ей суждены в будущем большие праведные дела.

Выжив в годы Катастрофы, Этя уезжает из Новоселицы, города, где прошло её детство, юность и куда она вернулась после гетто.

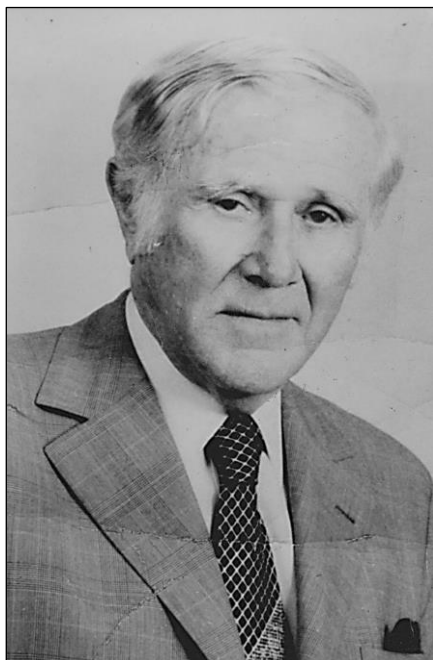
Жить там было невозможно: ни друзей, ни знакомых, ни просто доброго отношения. Что делать? И Этя решает уехать из страны, ставшей ей злой мачехой (такое право в конце сороковых годов было у евреев, бывших граждан Румынии).

Начался самый тяжёлый в её жизни период – эмиграция. Бухарест, Париж, Нью-Йорк... Долгие недели и месяцы скудной жизни без самого необходимого, даже без сносной одежды. Но Провидение было милостиво к ней: её буквально спасла неожиданная встреча с простой еврейской женщиной, поместившей в газете объявление: «Этя Мейлихзон из Новоселицы разыскивает родных...».

Её находит дядя Мигуэль и забирает в Венесуэлу, где он разрабатывал лесную концессию. Тяжёлый

многолетний труд давал большую прибыль, но почти все заработанные деньги он отсылал в Израиль.

Мордехай (Мигуэль) Мейлихзон приехал в Палестину в 1913 году пятнадцатилетним подростком из Могилёв-Подольского. Свою алию совершил сам, вопреки воле семьи, потому что давно мечтал об Эрец Исраэль. Судьба свела его с Моше Шаретом, Иосифом Трумпельдором...

Мордехай (Мигуэль) Мейлихзон,
воин, герой Израиля

В 1926 году судьба забросила Мордехая в Венесуэлу, и, обосновавшись там, он понял, что джунгли этой страны смогут помочь ему мобилизовать средства для помощи Эрец Исраэль. Энергичный и неутомимый Мейлихзон

становится владельцем лесной концессии, площадь которой втрое превышает территорию теперешнего Израиля. Труд приносит деньги, и деньги эти шли в еврейскую страну. И подымались больницы и синагоги, лаборатории научных и учебных центров наполнялись оборудованием. И молодая армия молодого еврейского государства на себе чувствовала щедрость ставшего миллионером мальчика из Могилёва-Подольского. Он искал счастья для своего народа. Опытный офицер, он воевал против фашизма в Испании.

Этя и Мигуэль поженились, и молодая жена стала надёжной подругой, помощницей, соратницей.

В 1981 году они переезжают в Израиль и поселяются в городе Герцлия. Жизнь в своём государстве придала им силы, раскрыла все тайники их богатой и щедрой души.

С этого времени в Израиле узнали доброту и благородство супругов. Их благотворительность не имела границ. Особое место в их деятельности занял детский инвалидный приют «Бейт Мейлихзон» в Тель-Авиве на 150 человек – гордость Израиля. Сюда приезжают перенимать опыт люди из разных стран мира, и все восхищаются условиями труда, жизни и отдыха детей-инвалидов.

Умер наш славный земляк в 1991 году, завещав жене продолжать благотворительную деятельность. Служение людям было целью её жизни и до конца она шла по этому пути.

Жизнь Эти Мейлихзон – это постоянный труд, созидательный и благородный. Важнее всего для неё – умная доброта – «неразменный рубль» её любви к родному народу. Широта её интересов, количество её

друзей и соратников вызывают восхищение и удивление: как можно столько успеть?!

Этя Мейлихзон, апрель 1997 г., Герцлия

Её друзья – славные имена еврейских политических и военных деятелей, известные раввины, деятели искусства и литературы – Исаак Рабин, Шимон Перес, Соломон Михоэлс, его дочери – Эстер Маркиш, Фейга Нудельман, актриса театра Михоэлса...

Много лет в Израиле не было памятника еврейским писателям и поэтам – членам Еврейского антифашистского комитета, жертвам советского режима, расстрелянным 12 августа 1952 года. Среди них было много дорогих друзей Эти – Перец Маркиш и многие другие.

Она мне рассказала, как волновала её эта проблема. И она с присущим ей энтузиазмом взялась за это благородное дело сама. Где установить памятник? Конечно, в Иерусалима... и она добилась места в красивом зелёном скверике, где он виден всем, кто идёт мимо; памятник был установлен по её давно разработанной схеме: проект, установка, оплата... Цветы, уход – ежегодно, пока была жива, ездила в Иерусалим, проверяла цветы, и назавтра у памятника собирались люди и не знали они, кто это для них подготовил...

На фотографии моя любимая Этя, её верная подруга Фейга Нудельман и я, Берта Файнштейн. 2001 год

Незабываемые воспоминания...

Муж Эти Мигуэль был военным человеком. Они очень много делали для армии. Понимая, что ещё что-то нужно сделать для ЦАХАЛа, Этя продаёт свой большой особняк в Герцлии и покупает небольшую уютную квартирку в Нетании, а все деньги, вырученные за

особняк, библиотеку и всё остальное, передаёт в дар музею танковых войск в Латруне – с заданием построить большой библиотечный зал для офицеров-танкистов...

Зал работает. Дело Эти живёт!!!

Я рада возможности рассказать хотя бы часть того, что знаю об этой великолепной еврейской женщине.

Такие люди, как семья Мейлихзон, являются гордостью нашего народа, воплощением ума и доброты еврейского народа.

*Вновь оглянувшись назад, взвесим, оценим
путь, что пролёг через ад к далям весенним.*

*Полною грудью вдохнём воздух свободы
мы, кто испытан огнём в чёрные годы...*

*О, хоть на миг оглянись – что за дорога!
О, присягни, поклянись свято и строго:*

*не позабыть, не простить смертной неволи,
чтобы вовек не остыть гневу и боли.*

*О, что за смысл затаён в скорбных картинах!
Слышится узников стон, крики невинных...*

*Братья! Навек сохраним каждое имя:
мы договором святым связаны с ними...*

Макс Циммеринг

6 октября 1998 г.

Заключение

Стремителен бег еврейской жизни, её история пополняется эпизодами, потрясающими человеческий разум, мелькают годы, нанизываются друг на друга десятилетия, меняется мир, страны, ЧЕЛОВЕК! И обо всём этом наши потомки должны знать правду от очевидцев, людей, переживших трагедию XX века.

Мечтаю и я оживить для будущего читателя прошлое, рассказать о трудном, но героическом настоящем, и даже, несмотря на возраст, помечтать о будущем...

И ПОЭТОМУ ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ!

Берта Файнштейн

Август 2016

Содержание

Вместо предисловия	6
Судьба повести «Крапивка»	9
«Крапивка».	16
Девочка из гетто.	75
Золотой души человек.	122
Заключение.	137

Издательство «Компас»
Тел.: 050-8159551,
email: helenamilkina@gmail.com

© Берта Файнштейн

Девочка из ГЕТТО

Компьютерный набор и вёрстка – Елена Тарасова

Литературное редактирование,
художественное оформление, дизайн обложки –
Елена Милькина

В книге использованы фотографии
из личных архивов семьи Подерских, Файнштейн и
Интернета.

Отпечатано в типографии «А.В.С»

www.ABCKnigi.com

Израиль, Нетания

2016

